

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Казенин К.И.

**Демографические процессы среди иностранных
трудовых мигрантов в Российской Федерации**

Москва 2019

Аннотация. В работе охарактеризованы имеющиеся источники данных по рождаемости среди трудовых мигрантов из стран Средней Азии в РФ. В качестве базы для сравнения, необходимой при исследовании рождаемости среди трудовых мигрантов, рассматривается также текущая рождаемость в странах, откуда они совершают миграцию.

Казенин К.И. директор научно-исследовательского центра региональных исследований и урбанистики ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2018 год

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Рождаемость среди трудовых мигрантов из стран Средней Азии в РФ: данные официальной статистики	5
1 Возможности и ограничения официальной статистики по рождаемости среди трудовых мигрантов	5
1.1 Мировой опыт оценки рождаемости мигрантов	5
1.2 Ситуация в России	7
1.3 Результаты выборочных обследований	10
1.4 Переписные результаты	16
1.5 Результаты текущего учета населения	17
1.6 Оценка внебрачной рождаемости	36
2 Особенности демографических процессов в странах Средней Азии и возможность их учета при анализе рождаемости среди мигрантов в Российской Федерации	37
2.1 Динамика уровня рождаемости в странах Средней Азии в сравнении с другими постсоветскими странами в 2000-2010-е годы	38
2.2 Динамика возрастных коэффициентов рождаемости в странах Средней Азии в сравнении с другими постсоветскими странами в 2000-2010-е годы	40
3 Выводы	56
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	58
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	59

ВВЕДЕНИЕ

Цель настоящей работы – системно рассмотреть имеющиеся данные о рождаемости среди трудовых мигрантов из стран Средней Азии в РФ.

Исследуются возможности использования для этой цели таких официальных источников, как данные Всероссийской переписи населения и текущего учета населения. Также рассматривается возможность использования данных крупных выборочных опросов. Делается вывод о том, что оценка на основе этих источников основных параметров рождаемости, стандартно используемых в демографии, по ряду объективных причин затруднена.

В связи с этим в заключительном разделе рассматриваются данные о текущей рождаемости в среднеазиатских странах, откуда идет миграция исследуемых нами групп населения. Данные о рождаемости в этих странах, разумеется, также не могут быть напрямую использованы для оценки рождаемости среди мигрантов, однако на их основе могут быть сформированы определенные ожидания о рождаемости в сообществах выходцев из Средней Азии на территории РФ.

Рождаемость среди трудовых мигрантов из стран Средней Азии в РФ: данные официальной статистики

1 Возможности и ограничения официальной статистики по рождаемости среди трудовых мигрантов

1.1 Мировой опыт оценки рождаемости мигрантов

В течение последних двух десятилетий (начиная примерно с середины 1990-х гг.) во многих странах распространены исследования, посвященные выявлению, оценке и прогнозированию различий в уровнях распространенности различных демографических событий между мигрантами (трудовыми, семейными, постоянными, а также представителями различных поколений мигрантов) и коренным населением принимающих территорий. Статистическая база для подобных научных работ, как правило, не универсальна и сильно зависит как от практики сбора информации о мигрантах в конкретной стране, так и от возможностей системы сбора демографической информации. Как правило, представление о демографическом (в частности, репродуктивном) поведении мигрантов формируют данные следующих источников информации о населении.

1) Регистры населения. Их, как правило, удобнее всего применять для аналитических целей (например, они широко доступны в Северной Европе). Так, шведские и норвежские исследователи, как правило, опираются именно на данные регистров, в которых содержатся сведения и о стране (территории) выезда мигранта, и о его гражданстве, и о его потомках, а также, что важно для изучения различий между краткосрочными, долгосрочными и трудовыми мигрантами, о длительности проживания в принимающей стране, а иногда и о цели миграции.

2) Переписи населения. Особенно важно для исследователя, когда существует возможность использовать микроданные переписи, то есть данные по ответам на переписные вопросы каждого респондента.

3) Данные крупных, желательно лонгитюдных выборочных исследований. Их можно использовать с определенной поправкой на репрезентативность.

4) Данные текущего учета населения (административные источники данных). Применительно к исследованию рождаемости мигрантов их использование возможно

в том случае, если при регистрации рождений указывается или место рождения родителей или, что несколько хуже для полноценного учета, их гражданство.

Зарубежные авторы, в работах, оценивающих влияние миграции (как международной, так и внутренней) на воспроизводство населения, привлекают весь спектр перечисленных статистических источников, а не только регистры населения. Например, британские исследования вместо регистров используют смешанную информацию, основанную на данных переписи населения (о миграционном статусе респондента или его этнической принадлежности), соотнесенную с информацией, получаемой в ходе текущего учета демографических событий, и данными лонгитюдных (хотя в ряде случаев и обыкновенных) выборочных обследований [1, 2]. То есть происходит определенный «бриджинг» событий из административных источников с индивидами в переписях и выборочных обследованиях населения через специальные коды. Такая процедура достаточно длительна, к тому же она ещё более удлиняется, если перед исследователями стоит задача учета влияния на демографические события различных социально-экономических показателей, особенно наблюдаемых на территории проживания мигрантов в определенный период времени. С определенным успехом такой «бриджинг» переписи с административным учетом применяется, кроме Великобритании, в Литве [3], поскольку в стране есть достаточно детальные данные по этнической рождаемости (что, однако, не идентично данным по рождаемости в зависимости от миграционного статуса). В ряде стран подобная информация дополняется ещё более узкоспециальными базами данных, которые позволяют включить в рассмотрение более обширный и детализованный набор индивидуальных характеристик. В США и Великобритании популярными источниками информации являются крупные выборочные обследования (до 1% населения), содержащая информацию о переездах населения¹. В США также можно опираться и на статистику текущего учета населения, и базу микроданных переписей населения, которая проводится раз в 10 лет (в настоящий момент оцифрованы и доступны по запросу базы с 1970 года). Более того, упомянутые микроданные переписей населения, которые могут содержать данные о миграционном опыте, доступны также и в международном масштабе: в

¹ Более подробная информация доступна здесь <https://www.census.gov/programs-surveys/are-you-in-a-survey/about-household-surveys.html>

рамках проекта IPUMS по 89 странам мира на основе результатов 345 национальных переписей населения собраны файлы о 988 миллионах человек.

1.2 Ситуация в России

В сферу интереса исследователей рождаемости в России не могли не попасть трудовые мигранты из Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана, составляющие значительную часть мигрантов, приезжающих в постсоветскую Россию для работы. Исследования, захватывающие более ранние периоды, специализировались на особенностях миграции из Закавказья, а иногда и из славянских республик бывшего СССР (Украины и Белоруссии).

Важной мотивацией всех подобных исследований является тот факт, что российский рынок труда до сих пор остается достаточно привлекательным для жителей стран СНГ. И если в культурном плане интенсивные в прошлом связи могут значительно ослабевать, то на рынке труда они довольно устойчивы. Исследователей всегда интересовало, до какой степени некая советская общность менталитета будет способствовать перениманию установок принимающего общества в вопросах отношения к репродуктивному поведению (в первую очередь к числу детей, желаемых женщин и условий полноценной реализации собственных намерений).

Отметим также, что параметры, характеризующие рынок труда мигрантов в России, могут быть названы довольно устойчивыми. Так как, например, экономический кризис в России десятилетней давности сократил число легальных трудовых мигрантов в 2009 году, но в 2010 году их численность уже восстановилась. Однозначно оценить влияние текущей экономической ситуации на миграцию в России крайне сложно. Предлагаемые оценки [4] указывали на снижение ряда миграционных потоков или их перераспределение во второй половине 2000-х годов (например, замещение жителей Средней Азии украинцами, оказавшимися в тяжелых политических и экономических условиях). В самые последние годы также намечается некоторое ослабление притока мигрантов в страну, что может быть связано с особенностями режима регулирования миграции, в том числе и трудовой. Так что другим важным элементом оценки влияния трудовой миграции в России на рождаемость может быть относительная устойчивость этой миграции к кризисным явлениям.

Следующий важный момент, который нужно принимать во внимание, - это возрастно-половой состав мигрантов. Трудовая миграция в РФ характеризуется большой селективностью по полу и возрасту, которая соответствует структуре российского рынка в отношении наиболее популярных у мигрантов профессий, требующих тяжелого физического труда: они задействованы в строительстве, сельском хозяйстве, жилищно-коммунальном хозяйстве, на транспорте. В половозрастной структуре иностранных работников в России преобладают мужчины, причем наибольшая их часть - в возрасте от 18 до 39 лет (около 80% всех мужчин-мигрантов). Тенденция «омоложения» потока трудовых мигрантов в Россию наблюдается минимум 10 лет: начиная с 2007 г. возрастная группа от 18 до 29 лет стала преобладать над группой от 30 до 39 лет., а на самых молодых приходилось в предкризисный 2008 г. около 37% общего потока иностранных трудовых мигрантов в Россию [5]. То есть среди трудовых мигрантов в РФ преобладают молодые мужчины. Доля женщин среди трудовых мигрантов в настоящий момент растет, особенно, среди некоторых национальных групп, например, киргизок, но, как видно из официальных данных, остается низкой [4]. Отсюда есть основания полагать, что миграция женщин весьма селективна, то есть у большинства женщин – трудовых мигрантов имеются совершенно другие ценностные установки по сравнению с большинством женщин из страны миграции.

Исследование рождаемости трудовых мигрантов затруднено тем, что статистика рождаемости среди мигрантов в России крайне скудна. Федеральная служба государственной статистики (Росстат) имеет специальную форму, которая фиксирует гражданство матери, родившей ребенка, но определить гражданство второго родителя до начала 2010-х гг. по официальным источникам было крайне трудно. При этом есть различные подходы к оценке имеющихся официальных данных, а успешность этих подходов зависит от множества факторов.

Важно отметить, что среди доступных статистических данных по мигрантам (как и прочему населению) в России отсутствует *регистр*: хотя в последние годы есть попытки начать создание такой системы данных, однако по мнению специалистов, на сегодняшнем этапе они затруднены из-за хаоса в административных источниках данных о населении [6].

Информация, собираемая в ходе *Всероссийской переписи*, не применима для подобных исследований по ряду причин. Во-первых, программа переписи включает

недостаточно широкий круг вопросов о миграционном прошлом населения, и даже полученные данные не разрабатываются в полном объеме из-за финансовых ограничений. Во-вторых, длина временного интервала, проходящего между двумя переписями, не позволяет проводить анализ на регулярной основе и непрерывно отслеживать динамику данных о демографических событиях в среде мигрантов. Конечно, решением проблемы могла бы стать увязка переписных данных с данными административных источников (по аналогии с опытом Великобритании и Литвы), но такая пока не произведена.

Регулярные обследования даже по относительно репрезентативной в масштабах страны выборке, позволяющие изучить демографическое поведение мигрантов, в России также не проводятся. Достаточно качественное обследование РМЭЗ (Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения), являющееся по своей структуре панельным, не включает в себя детальных миграционных историй, а трудовые мигранты практически полностью исключены из его выборки. Больше информации по трудовым мигрантам и рождаемости в их семьях дает уникальное с точки зрения собираемых данных (например, есть детальные истории миграций) обследование РидМиЖ («Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе», волны 2004, 2007 и 2011), а также его продолжение ЧСО (Человек, семья, общество). Правда, при наличии довольно детальной миграционной истории в ЧСО, блок репродуктивного поведения в ряде его волн существенным образом редуцирован по сравнению с предшественником (РидМиЖ).

Выборочное обследование РидМиЖ (точнее, первая его волна) стало основой исследования С. Захарова и С. Суркова об особенностях рождаемости среди мигрантов в России [7]. О результатах, содержащихся в этой работе, мы расскажем подробнее ниже. Для задачи анализа рождаемости в среде трудовых мигрантов, даже обследование РидМиЖ включает краткий блок вопросов, касающихся миграционных биографий респондентов, и из-за этого не может дать ответ на вопрос о рождаемости именно краткосрочных трудовых мигрантов. В целом эта группа трудовых мигрантов оказывается исключенной из обследования. Тем не менее, в рамках изучения, например, репродуктивного поведения более широкой группы экономических мигрантов разработка результатов РидМиЖ имеет огромный потенциал. Особенно это касается панельной части этого исследования. Также возможности для изучения

рождаемости в семьях трудовых мигрантов дает анализ последних волн исследования ЧСО.

Важной в условиях российской специфики представляется использование данных текущей статистики. Можно сказать, что в данных учреждений ЗАГС информация об интересующих нас характеристиках родителей частично содержится, так как в ряде регионов информация о национальности родителей в настоящее время собирается, а графа о гражданстве собирается централизованно по всем субъектам РФ. Однако разработка всех этих результатов текущего учета рождений оставляет желать лучшего. Во многих случаях исследователю, который поставит перед собой задачу оценки рождаемости мигрантов, придется запрашивать результаты из данных организаций и зачастую работать с ними вручную (если разработка ведется только на уровне территориальных органов Росстат или вообще ЗАГСов). По этой причине данные о рождаемости трудовых мигрантов в России могут быть слишком разрозненными, а также не представлять целостной картины по всей стране (представлять только региональную картину). Таким образом, полученные данные ЗАГС могут быть проинтерпретированы, но делать это надо с осторожностью еще и по той причине, что в данных ЗАГС цель миграции родителей увидеть напрямую невозможно и поэтому однозначно делать выводы о рождаемости трудовых мигрантов на их основе нельзя.

1.3 Результаты выборочных обследований

Так как в нашем проекте предполагается осуществить именно выборочное обследование, то представляется верным начать обзор существующих оценок рождаемости среди зарубежных мигрантов в РФ, в том числе трудовых, также с выборочных обследований. Рассмотрим результаты исследования С. Захарова и С. Суркова [7], выполненного на основе данных РИДМИЖ.

Отметим допущения, которые есть в данном исследовании. Во-первых, в его рамках достаточно существенно смешивалась миграция непосредственно русского и русскоязычного населения стран бывшего СССР и населения их титульных национальностей, что, конечно, могло приводить к искажению общих показателей рождаемости среди мигрантов. То есть базовой категорией анализа был именно факт миграции, безотносительно национальной характеристики.

Исследователи в начале статьи оговаривают, что особенности этнического и социально-демографического состава международных мигрантов, включенных в

выборку РидМиЖ, не способствуют исполнению ожиданий о том, что рождаемость мигранта из выборки будет значимо отличаться от рождаемости коренных россиян. Во-первых, несколько более высокие показатели, ожидаемые от приезжающих из стран СНГ с наибольшей рождаемостью, будут компенсироваться более низкими показателями мигрантов из стран с низкой рождаемостью. А во-вторых, показатели рождаемости среди мигрантов, прибывших из-за рубежа, не будут высокими, так как в иммиграционном потоке из всех постсоветских стран, зафиксированном исследованием РидМиЖ в 1990-е - начале 2000-х гг., преобладали русскоязычные городские жители, чья рождаемость близка к коренному населению РФ. Однако при более детальном анализе мы увидим, что рождаемость мигрантов из Центральной Азии, даже с учетом упомянутых ограничений, все же можно оценить отдельно, и она будет выше, чем у россиян, которые никогда не имели миграционного статуса (то есть у коренного населения).

Результаты, полученные исследователями, представлены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1 - Среднее число детей, рожденных живыми в расчете на одну женщину к возрасту 25, 35 и 45 лет, в зависимости от миграционного статуса. Поколения женщин 1930-1979 годов рождения

Годы рождения	Детство провели в России		Детство провели за пределами России (мигранты)			
	Все	Непрерывно проживают в месте рождения	Все	Приехали из стран с низкой рождаемостью	Приехали из стран со средней рождаемостью	Приехали из стран с высокой рождаемостью
<i>К возрасту 25 лет</i>						
1930-1939	0,76	0,72	0,87	0,85	...*	0,86
1940-1949	0,82	0,83	0,8	0,84	...*	0,73
1950-1959	0,87	0,82	0,82	0,79	1,14	0,74
1960-1969	0,97	0,95	1,04	0,92	0,95	1,15
1970-1979	0,85	0,85	0,98	0,68	1,24	1,07
<i>К возрасту 35 лет</i>						
1930-1939	1,61	1,53	1,6	1,58	...*	1,62
1940-1949	1,56	1,49	1,56	1,54	...*	1,68
1950-1959	1,67	1,59	1,64	1,47	2,11	1,55
1960-1969	1,54	1,48	1,67	1,54	1,65	1,83
<i>К возрасту 45 лет</i>						
1930-1939	1,74	1,69	1,75	1,7	...*	1,81
1940-1949	1,65	1,61	1,72	1,66	...*	1,88
1950-1959	1,77	1,72	1,72	1,61	2,31	1,63

Примечание - *Менее 10 респондентов

Таблица 2 - Среднее число детей, рожденных живыми в расчете на одну женщину к возрасту 25, 35 и 45 лет, в зависимости от миграционного статуса. Поколения женщин русской национальности 1930-1979 годов рождения

Годы рождения	Детство провели в России		Детство провели за пределами России (мигранты)			
	Все	Непрерывно проживают в месте рождения	Все	Приехали из стран с низкой рождаемостью	Приехали из стран со средней рождаемостью	Приехали из стран с высокой рождаемостью
<i>К возрасту 25 лет</i>						
1930-1939	0,78	0,76	0,85	0,85	...*	0,86
1940-1949	0,85	0,86	0,72	0,74	...*	0,7
1950-1959	0,87	0,84	0,81	0,79	0,86	0,81
1960-1969	0,98	0,95	1,12	0,94	...*	1,25
1970-1979	0,83	0,85	0,86	0,72	...*	0,95
<i>К возрасту 35 лет</i>						
1930-1939	1,61	1,57	1,58	1,56	...*	1,58
1940-1949	1,56	1,49	1,46	1,34	...*	1,65
1950-1959	1,66	1,58	1,54	1,35	1,93	1,6
1960-1969	1,52	1,44	1,7	1,57	...*	1,9
<i>К возрасту 45 лет</i>						
1930-1939	1,74	1,73	1,73	1,69	...*	1,78
1940-1949	1,64	1,59	1,65	1,49	...*	1,86
1950-1959	1,75	1,7	1,64	1,49	2,07	1,66

Примечание - *Менее 10 респондентов

По таблицам видно, что показатели рождаемости мигрантов 1930-1959 годов рождения в среднем не отличаются от показателей рождаемости у коренного населения тех же годов рождения. Наоборот, итоговая рождаемость женщин указанных поколений, приехавших в Россию, будет иногда даже несколько ниже по сравнению с женщинами, которые родились и провели детство в России. Для поколений, родившихся после 1960 года, однако, более высокие показатели будут иметь все же мигранты: к возрасту 35 лет приезжие женщины рожают примерно на 0,2 детей больше, чем россиянки, не менявшие страну жительства с рождения. При этом, как отмечают исследователи, перевес в более молодых поколениях в пользу мигрантов обеспечивается усилившимся в тех поколениях потоком переселенцев из стран с более высокой, чем в России, рождаемостью, в основном, как раз из Средней Азии. Это очевидно следует из цифр: если, по данным обследования, доля выходцев из стран с повышенной рождаемостью в общем числе мигрантов 1930-1939 годов рождения составляет 36%, то в поколениях 1960-1969 годов рождения - уже 62%.

Могут ли данные различия объясняться национальным составом мигрантов? Исследователи показали, что рождаемость этнических русских, с рождения постоянно проживавших в России, ниже среднего уровня рождаемости для России в целом, и рождаемость международных мигрантов, идентифицировавших себя при опросе как русские, также несколько ниже среднего уровня для международных мигрантов всех этнических групп. Это значит, что изменение этнического состава миграции из-за рубежа с большой вероятностью повлияло на изменение рождаемости среди мигрантов. Но для более детального ответа на этот вопрос необходимо сравнить рождаемость у мигрантов и коренных жителей России, идентифицирующих себя как русские. В разрезе поколений видно, что вплоть до поколений, родившихся в 1960-х годах, «русские» мигранты из-за рубежа не превышали в среднем по итоговому показателю рождаемости респондентов, идентифицирующих себя как русских и родившихся в России. Повышение доли «русской» самоидентификации у прибывших из Центральной Азии и Закавказья в общем потоке «русских» мигрантов последующих поколений повысило показатели рождаемости для среднестатистического «русского» мигранта таким образом, что в конце концов они стали превышать показатели рождаемости для респондентов, самоидентифицирующихся как русские и не являющихся мигрантами. То есть помимо этнической самоидентификации, для рождаемости мигрантов оказалась важной также страна проживания до миграции (возможно, как место социализация).

Рассмотрим миграцию из южных республик бывшего СССР по данным исследования Захарова и Суркова более подробно. Они демонстрируют, причем устойчиво, более высокую рождаемость и при сравнении с немигрантами, и, очевидно, при сравнении с мигрантами из стран с более низкой рождаемостью (например, из Украины и Молдавии). Их невысокая доля в миграционном потоке в советское время приводила к интересному феномену: иммиграция вплоть до 1990-х годов (поколений мигрантов, родившихся в 1970-е годы), увеличивая численность населения России, в том числе и численность детей (за счет более молодого состава населения), не вносила положительного вклада в суммарный коэффициент рождаемости в России. Другими словами, среднее число детей, рожденных в расчете на одну женщину-мигранта, было равно, а в ряде случаев и меньше, по сравнению с женщинами без миграционного опыта вообще. С конца 1990-х гг. увеличение потока мигрантов из стран с более высокой рождаемостью, причем, не только титульных

национальностей республик Средней Азии, но и в том числе представителей европейских этносов (и непосредственно русских) из этих стран, начинает приносить России не только омоложение населения, но и повышение интенсивности рождаемости. Кроме того, если принять во внимание тот факт, что ещё более молодые по сравнению с выше описанными поколения мигрантов в силу изменившейся этнической и образовательной структуры, а также распределения по странам выхода, имеют в среднем чуть более высокие показатели итоговой рождаемости, чем россияне, проживающие в России с рождения, это влияние миграции на рождаемость станет ещё более очевидным. Однако оно частично сдерживается сильным гендерным перекосом в сторону мужчин у данных поколений мигрантов (что является общей ситуацией в случае миграции трудовой).

Далее исследователи продолжают сопоставление, обращая внимание на столь важные в данном случае тайминговые характеристики, то есть, пытаясь определить, в какой степени итоговые показатели рождаемости мигрантов будут являться результатом их репродуктивной активности до переезда в Россию, а в какой - после переезда (компенсация отложенных рождений). Захаров и Сурков стремятся ответить на вопрос, происходит ли "перенос рождаемости" в страну, выступающую основным реципиентом мигрантов на постсоветском пространстве (что и может объяснить несколько более высокие показатели более молодых когорт, а также более высокие периодные суммарные коэффициенты рождаемости), или же у женщин – мигрантов большинство детей рождается до переезда.

Исследователи после анализа кумулятивной рождаемости к определенному возрасту пришли к выводу, что мигранты, попавшие в выборку РодМиЖ, формируют свои семьи преимущественно в России. Примерно на 2/3 общая величина их итоговой рождаемости складывается за счет рождений, произошедших после переезда. Причем для женщин, переехавших из стран с низкой рождаемостью, итоговый поколенческий суммарный коэффициент рождаемости ещё в большей степени – практически на 80-90% - связан с деторождением именно на территории России. Для женщин из стран с высокой рождаемостью показатель рождаемости в России будет значительно ниже. Но с другой стороны, как показывают данные, среди женщин, прибывающих в Россию из стран Центральной Азии и Закавказья, в 2000-х гг. увеличивалась доля тех, кто совершает переезд в юношеском возрасте и не состоит на момент переезда в брачно-партнерском союзе, то есть показатели вклада рождений до переезда будут

увеличиваться, а более высокая рождаемость в данной категории мигранток связана с их установками, сформированными в процессе социализации до переезда. С другой стороны, в настоящий момент последствия трудовой миграции приводят к воссоединению семей, часто уже с детьми, рожденными на территории Центральной Азии. То есть в самых молодых поколениях ситуация вполне может значительным способом измениться, таким образом, задача текущего проекта увидеть это.

Очень важным показателем, который можно получить из данных выборочного обследования, является итоговая характеристика вклада мигрантов в общую рождаемость на территории России в годы после окончания Великой Отечественной войны. Данные значения приведены в Таблице 3. Опираясь на данные из таблицы, можно сделать вывод, что на протяжении практически 40 лет после окончания войны мигранты обеспечивали вклад в рождаемость около 6-7%, причем стабильно для всех очередностей рождения. Однако далее, с конца 1980-х, скорее всего, за счет изменения возрастно-половой структуры миграционных потоков, о котором мы уже говорили выше, вклад мигрантов стал расти, причем с начала 1990-х гг. стал расти их вклад и в рождения более высоких порядков. Важно отметить, что если ранее вклад мигрантов в рождения детей различной очередности свидетельствовал о примерно схожей модели рождаемости на всем постсоветском пространстве среди русскоязычного городского населения, то, после 1980-х гг. не только уровень рождаемости в целом у мигрантов, прибывших в этот период, был ощутимо выше, чем у коренных россиян, но и доля рождений высоких порядков.

Таблица 3 - Доля рождений у мигрантов* в общем числе рождений, состоявшихся на территории России в 1954-2003 годах, %

Годы	Все рождения	В том числе по очередности рождения:		
		Первые рождения	Вторые рождения	Третьи и последующие рождения
1954-1958	6,4	6,6	6	5,9
1959-1963	6,2	6,4	6,3	5,6
1964-1968	6,4	6	8,4	3,7
1969-1973	6,8	6,9	5,9	9,8
1974-1978	6,5	6,4	5,9	8,4
1979-1983	7,1	6,9	7,9	5,1
1984-1988	6,5	6,7,1	6,6	
1989-1993	8,3	8,9	6,8	9,6
1994-1998	9,3	8,1	10,2	12,9
1999-2003	9,9	9,2	10,3	13,3
1954-2003	7,3	7,1	7,4	8,5

Таким образом, в настоящее время, учитывая изменение этнического состава мигрантов и смещение структурных характеристик миграционных потоков, можно

говорить о том, что влияние миграции на рождаемость в России становится практически сопоставимым с аналогичным влиянием мигрантов на рождаемость в европейских странах, особенно в случае с рождениями более высоких порядков.

1.4 Переписные результаты

Отметим, что по микроданным Переписи населения можно выделить категории трудовых мигрантов, и в дальнейшем в нашей работе мы это сделаем, отнеся к ним женщин, которые не имеют российского гражданства и временно пребывают на территории России. Но по количеству таких женщин перепись не может дать надежных данных. Кроме того, данные переписи не позволяют сказать, какая часть детей у этих женщин была рождена на территории России, а какая на территории страны происхождения мигранта.

Более простым способом оценить рождаемость трудовых мигрантов можно, если мы рассмотрим накопленную рождаемость среди женщин - представительниц среднеазиатских стран с наиболее интенсивной трудовой миграцией, проживающих на территории России и опрошенных в ходе Всероссийской переписи населения 2010 года (Таблица 3). Тогда мы увидим, что рождаемость у них в значительной степени ниже, чем у женщин тех же этносов, которые проживают на территории страны, откуда совершена миграция. Отметим, что, так как рост представительства таджиков, узбеков и киргизов в России начался относительно недавно (существенные межпереписные различия для 2002 и 2010 гг. говорят о том, что это одни из самых быстро растущих народов в РФ), считать, что женщины титульных национальностей данных стран, учтенные Всероссийской переписью населения 2010 года, являются мигрантками, не будет большим огрублением. Но точно сказать, где были рождены их дети и, соответственно, как миграция повлияла на показатели рождаемости у этой группы женщин, крайне затруднительно. Ещё меньше информации дают результаты переписи о возможной селективности миграции женщин из стран Центральной Азии. Мы не можем видеть по переписи, какой у них образовательный состав (хотя особенно интересно будет это увидеть у молодых мигранток, но это проверяемая информация, о чем речь пойдет ниже), не знаем мы, и откуда они приехали – из села, нестоличного города или столицы своего государства (из данных переписи можно узнать только место рождения, но оно не всегда совпадает с местом, откуда совершена миграция). Не знаем мы и степени реализации в России их возможных отложенных намерений по

деторождению, то есть потенциала роста рождаемости в реальных поколениях для женщин, например, до 35 лет.

Поэтому здесь мы ограничимся только лишь констатацией факта, что накопленное число рождений среди женщин данных этнических групп выше, чем среди жительниц России в целом, но явно ниже показателей Центральной Азии. Вероятно, с учетом изменения общего потока миграции из Центральной Азии в сторону менее образованного и квалифицированного населения у рождаемости среднеазиатских народов в РФ есть определенный потенциал роста и достижения итоговых показателей, более высоких, чем у женщин данных национальностей, выходящих из репродуктивного возраста, но пока это только предположение.

Таблица 4 - Показатели накопленной рождаемости (число рождений на 1000 женщин) к определенному возрастному интервалу женщинами основных титульных национальностей стран, из которых осуществляется наибольшая трудовая миграция. Сравнение с русскими

	Таджички	Узбечки	Киргизки	Русские
25 – 29	1445	1260	1262	849
30 – 34	1977	1805	1793	1231
35 – 39	2324	2091	2169	1433
40 – 44	2539	2262	2384	1542
45 – 49	2596	2399	2486	1675
50 – 54	2729	2479	2478	1783

Примечание - Перепись населения 2010. База данных журнала DemoscopeWeekly, URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=8>

1.5 Результаты текущего учета населения

Уже почти 10 лет, то есть с 2009 г., Росстатом организован сбор статистики естественного движения населения от территориальных органов государственной статистики всех регионов России в формате электронных файлов. Поскольку в данном случае сведения предоставляются в форме типовых унифицированных файлов, это позволяет говорить о наличии единой в государственном масштабе базы данных, хотя в данном случае, и об этом мы будем говорить ниже, существует проблема снижения числа информативных граф, по которым можно определить миграционный опыт. Рассмотрим результаты расчетов рождаемости мигрантов, произведенных российскими исследователями на основе этих данных.

Исходя из имеющихся данных за 2011-2015 годы (за более ранний период Росстат не располагает информацией, так как разработка данных велась в первую

очередь по матери), вклад семейных пар, в которых оба родителя – российские граждане, в общее число рождений в России практически не менялся, находясь примерно на уровне около 85%. При этом за весь наблюдаемый период вклад пар, где оба родителя - не граждане РФ, рос быстро: темп роста можно оценить примерно в 20% ежегодно в 2012-2014 годах и на 10% в 2015 году. Правда, в абсолютных и относительных цифрах этот рост выглядит не столь существенным – в 2015 году он достиг показателя менее 1,1% от всех рождений – примерно 20,5 тыс. случаев. Более подробно данные представлены в Таблице 5.

Однако для исследования рождаемости трудовых мигрантов интерес представляют и данные текущего учета по семьям других категорий. Достаточно многочисленной категорией семей являются семьи, в которых мать новорожденного – гражданка России, а отец – гражданин другого государства: таких по состоянию на 2015 год было 1.5% от всех родителей. Быстрый ежегодный прирост наблюдается и среди числа новорожденных, у которых ситуация обратная (правда, в 2015 году он замедлился), в итоге таких рождений порядка 1,3%. Таким образом, в 2011-2015 годах трудовые мигранты могли принимать участие в рождениях примерно 3,9% всех детей в России, включая смешанные семьи. И хотя абсолютная цифра в данном случае невелика - около 73 тыс., темпы ее роста впечатляют.

Однако по факту число рождений у мигрантов может быть ещё больше, ведь существует еще категория семей, где мать является гражданской РФ, а гражданство отца в данных текущего учета не указано. Эта категория составляет 10%. Частично в этих семьях вполне могут быть представлены и отцы - трудовые мигранты, не попавшие в учет в связи с изменениями в регистрационной практике, проходившими в 2010-х гг. Отметим, что ребенок, у которого при регистрации указывается только гражданство матери, рожден, как правило, вне брака, причем, действительно у матери-одиночки. Тем не менее, предыдущие исследования [5] показывают, что трудовые мигранты вносят существенный вклад в том числе и во внебрачную рождаемость, так как сами часто являются женатыми людьми с семьями на родине и находят пары среди одиноких (как правило, разведенных) женщин, а свой брак в России не регистрируют.

Важно заметить, что, если обратить внимание не на общее число зарегистрированных текущим учетом рождений у родителей, не являющихся гражданами России, а на вклад этих рождений в ежегодные цифры прироста

родившихся, то результат будет вполне весом и значим. Так, по расчетам С. Захарова, в 2012 году вклад иностранных граждан в положительные значения прироста рождений составил 12%, в 2013 году – 100% (в этот год сокращались рождения, у которых и мать, и отец - российские граждане), в 2014 – 29%, в 2015 году – 65%

Таблица 5 - Число рождений у родителей с различным статусом российского гражданства, Россия, 2012-2015 годы

Статус	2012		2013		2014		2015	
	число рождений	%	число рождений	%	число рождений	%	число рождений	%
Оба родителя - граждане РФ	1610632	84,68	1607665	84,80	1628052	85,08	1631074	85,24
Мать - гражданка РФ, отец - гражданин другого государства	20425	1,07	22831	1,20	25823	1,35	28479	1,49
Мать - гражданка РФ, отец – лицо без гражданства	251	0,01	262	0,01	166	0,01	144	0,01
Мать - гражданка РФ, отец – гражданство не указано	224547	11,81	215188	11,35	204812	10,7	194093	10,14
Отец - гражданин РФ, мать - гражданка другого государства	19874	1,04	22036	1,16	24080	1,26	24873	1,30
Отец - гражданин РФ, мать – лицо без гражданства	279	0,01	196	0,01	126	0,01	122	0,01
Отец - гражданин РФ, мать – гражданство не указано	1770	0,09	1185	0,06	1084	0,06	1039	0,05
Оба родителя – граждане другого государства	12609	0,66	15438	0,81	18647	0,97	20507	1,07
Прочие	11697	0,61	11021	0,58	1084	0,56	10711	0,56
<i>Итого зарегистрировано в России:</i>	1902084	100	1895822	100	1913472	100	1911042	100

Следует отметить странность в изменениях числа рождений у родителей с не определенным данными текущего учета гражданством, которая, как мы уже говорили выше, скорее всего, является следствием меняющейся регистрационной практики для мигрантов и их новорожденных детей. Так, в 2012 году матери - гражданки РФ с неизвестным гражданством отца увеличили число рождений почти на 12 тыс., а в 2013-2015 годах число родившихся у этой категории уменьшалось в среднем на 10 тыс. ежегодно (Таблица 6).

Таблица 6 - Абсолютный и относительный годовой прирост рождений у родителей с различным статусом российского гражданства, Россия, 2011-2012, 2012-2013, 2013-2015 годы

	Прирост за 2011-2012		Прирост за 2012-2013		Прирост за 2013-2014		Прирост за 2014-2015	
	абс.	2012/2011	абс.	2013/2012	абс.	2014/2013	абс.	2014/2015
Оба родителя - граждане РФ	79556	1,052	- 2967	0,998	20387	1,013	3022	1,001
Мать - гражданка РФ, отец - гражданин другого государства	3496	1,207	2406	1,118	2992	1,131	2656	1,103
Мать - гражданка РФ, отец – лицо без гражданства	64	1,342	11	1,044	-96	0,634	-22	0,867
Мать - гражданка РФ, отец – гражданство не указано	11875	1,056	- 9359	0,958	- 10376	0,952	- 10719	0,948
Отец - гражданин РФ, мать - гражданка другого государства	4185	1,267	2162	1,109	2044	1,093	793	1,033
Отец - гражданин РФ, мать – лицо без гражданства	141	2,022	-83	0,703	-70	0,643	-4	0,968
Отец - гражданин РФ, мать –гражданство не указано	1024	2,373	-585	0,669	-101	0,915	-45	0,958
Оба родителя – граждане другого государства	2825	1,289	2829	1,224	3209	1,208	1860	1,100
Прочие	2289	1,243	-676	0,942	-339	0,969	29	1,003
<i>Всего</i>	105455	1,059	- 6262	0,997	17650	1,009	- 2430	0,999

Более детально проблемы учета рождаемости среди трудовых мигрантов были рассмотрены С. Бирюковой [9, 10], а ранее И.Ивахнюк [11]. Некоторые методологические аспекты учета рождаемости мигрантов рассматриваются в работе О.Чудиновских [12]. Важной особенностью данных исследований является то, что они во многом разъясняют возможности использования текущего учета рождаемости и смертности среди мигрантов.

Оценка вклада мигрантов, в том числе и трудовых, в демографические процессы (в частности, в рождаемость) производится на основе различных коэффициентов, для вычисления которых, как известно из литературы, необходимо не только относительно точное определение численности мигранток среди женщин, родивших ребенка в том или ином году, но также, для точного определения

знаменателя, нужны сведения об общей численности и поло-возрастном составе мигрантов, постоянно пребывающих на рассматриваемых территориях. Отметим, что в случае с постоянными мигрантами ситуация чуть проще, так как данные о контингентах мигрантов, пребывающих на территории России в течение года и более, собирались Федеральной миграционной службы (ФМС России), с 2016 года объединенной с Министерством внутренних дел. Какие знаменатели необходимо использовать в случае в мигрантами трудовыми – вопрос открытый, так как возрастное распределение трудовых мигрантов - малоизученный вопрос, а также нерешенной остается проблема методологического характера: насколько полученный показатель важен для анализа тенденций среди коренного населения, так как он рассчитывается для изолированной совокупности (матери и дети – трудовые мигранты, которые страну покинут, следовательно влияют только на периодные характеристики рождаемости, но не на итоговую рождаемость когорт).

Если считать коэффициенты на основе анализа реальных данных органов государственной статистики, то окажется, что, хотя в настоящий момент Росстат на регулярной основе получает данные о регистрации смертей и рождений из субъектов Российской Федерации, информация там содержится в достаточно ограниченном количестве, например, практически невозможно идентифицировать, является ли умерший или родившая мигрантом, так как текущий учет дает сведения только о гражданстве человека. То есть при общем анализе записей текущего учета крайне сложно сказать что-то определенное о рождаемости мигрантов, так как необходимо вводить довольно сильное допущение о том, что мигрантами являются все лица с гражданством, отличным от титульного (то есть российского). Оценить каким-либо образом рождаемость трудовых мигрантов по общей совокупности и вовсе не представляется возможным. Однако по ряду регионов разработка подобных данных возможна (например, как будет в дальнейшем видно в работе, это возможно сделать по г. Москва).

Важно заметить, что перед проведением расчетов и аналитической работы на основе данных текущего учета во избежание ошибок и неточностей необходимо проведение подготовительных процедур. Так, данные необходимо очистить от записей, относящихся к предыдущему отчетному году, которые иногда встречается при регистрации событий на рубеже календарных годов. Также в условиях работы с данными Росстата надо быть готовым к верификации результатов и удалению

некорректно введенных записей. Согласно оценке, С. Бирюковой, ошибки могут быть кластеризованы следующим образом:

Опечатки — явно случайные и непреднамеренные ошибки ввода, к которым были отнесены пропуски букв в названиях, употребление неверных букв, а также орфографические ошибки в написании географических наименований. Процент ошибок упомянутых типов по отношению к общему объему массивов невелик, однако при использовании машинных и программных методов обработки они в наибольшей степени будут осложнять жизнь исследователю, так как имеют значительную и с трудом предсказуемую вариацию.

Употребление неверных, не стандартизованных и не общепринятых сокращений и аббревиатур — по отношению к названиям типов субъектов встречались различные варианты сокращений, часть из которых легко поддается расшифровке, в то время как другая часть крайне трудно читаема.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что для всех видов сокращений и для аббревиатур географических названий отсутствуют какие-либо унифицированные формы, что значительно затрудняет автоматизацию анализа, но, скорее всего, объясняется различным написанием географических наименований в предоставленных работникам ЗАГСов документах.

Географические наименования также могут содержать существенные недочеты, как пропуск части наименования субъекта федерации (области, края, республики) или пропуск одной или нескольких частей полного адреса родителя - может быть не указана страна, к которой относится адрес, отсутствует наименование субъекта федерации, зато сразу указан населенный пункт.

Дополнительно был обнаружен еще ряд недочетов, нарушающих целостность базы данных по текстовым переменным и препятствующих автоматизированному анализу, но не являющихся ошибками ввода, как-то:

- Несколько вариантов одних и тех же географических наименований (к примеру, различия в названиях городов, субъектов федерации и стран, связанные с советским прошлым: «Свердловск» и «Екатеринбург», «Татарская АССР» и «Татарстан»; краткие и полные формы наименований государств или регионов: «Казахстан» и «Республика Казахстан», «Якутия», «Республика Якутия» и «Республика Саха» и т. д.),

- Неоднородность данных с точки зрения детализированной,
- Отсутствие единого стандарта пунктуации.

Начнем с рассмотрения коэффициентов рождаемости у мигрантов (абсолютные данные могут не давать нам исчерпывающей картины, а в рамках одного года, как элемента анализа, они вообще не сопоставимы в виду большой разницы между размерами совокупностей). Такие показатели, как общий коэффициент рождаемости, строго говоря, не могут быть использованы в сколь-либо серьезном демографическом анализе. Очевидная причина этого кроется в присутствии серьезного влияния возрастной структуры населения, неоднородной по российским регионам, на данный показатель. Однако для первичного анализа и при отсутствии других показателей и невозможности рассчитать их без привлечения дополнительных данных, для начального сравнения различий данные описываемые методы могут подойти.

Для такой оценки существующих между мигрантами и коренным населением различий в рождаемости достаточно посмотреть на разницу в величинах общих коэффициентов, рассчитанных для двух рассматриваемых групп населения по отдельности, а также на то, какую часть от величины коэффициента, рассчитанного для всего населения, обеспечивают мигранты (назовем это - непосредственный вклад мигрантов в рождаемость).

Таблица 7 - Общие коэффициенты рождаемости среди мигрантов и немигрантов в 2009 г. (на 1000 человек населения; в промилле) [9]

Субъект РФ	Общий коэффициент рождаемости среди немигрантов	Общий коэффициент рождаемости среди мигрантов	Вклад мигрантов в общий коэффициент рождаемости
Краснодарский край	10,08	4,13	0,5
Приморский край	10,03	6,88	0,6
Ставропольский край	10,04	4,44	0,8
Иркутская область	10,05	1,74	0,9
г. Санкт-Петербург	10,14	6,08	2,1

Продолжение таблицы 7

Ленинградская область	10,33	2,13	0,8
г. Москва	9,61	22,46	6,6
Московская область	10,32	4,20	2,1
Свердловская область	9,94	16,18	1,5
Республика Татарстан	9,98	13,80	0,9

Из приведенных в таблице 7 результатов можно определить, что при относительно стабильном от региона к региону показателе по коренному населению, среди людей, отнесенных нами к мигрантам (то есть людей с другим гражданством), наблюдается значительный разброс значений: от 22,5 в Москве до 1,7% по Иркутской области. Отметим также, что в большинстве рассматриваемых регионов уровень рождаемости среди мигрантов, оцененный при помощи общего коэффициента, оказывается ниже, чем среди коренного населения. С другой стороны, в ряде крупных регионов верно и обратное: это наблюдается в г. Москве, Свердловской области и Республике Татарстан.

Важно заметить, что как раз более низкая рождаемость среди мигрантов при использовании в качестве способа измерения общего коэффициента рождаемости может быть логична, учитывая половой состав мигрантов (в основном мужчины, хотя и репродуктивных возрастов). Но с другой стороны, не стоит забывать о том, что рождаемость мигрантов может характеризоваться периодными пиками сразу после прибытия на территорию принимающей страны (не дожидаясь получения гражданства).

Вклад мигрантов в величины возрастных коэффициентов рождаемости представляется значительно более точным и информативным показателем. С помощью него можно элиминировать практически полностью роль возрастнополовой структуры населения. Это, как мы неоднократно отмечали выше, крайне важно при исследовании воспроизводства молодых мигрантов, среди которых, как правило, преобладают мужчины. А если экстраполировать данные на трудовых мигрантов, то гендерный перекос в сторону молодых мужчин станет ещё более очевидным.

С другой стороны, очевидно, что возрастная структура женщин-мигрантов в значительной степени смещена в сторону ранних репродуктивных возрастов по сравнению с общей структурой женской части населения по регионам, что при прочих равных условиях должно выражаться в более высоких общих показателях рождаемости. И в этом случае использование повозрастных и суммарных показателей рождаемости позволяет решить проблему.

Однако, как можно увидеть из Таблицы 8, а также, если сделать базовые поправки на возрастную структуру (предположение о том, что женщины-мигрантки

не могут быть на столько старше женщин, проживающих на данной территории с рождения или имеющих гражданство), и из Таблицы 7, различия в рождаемости между мигрантами и коренным населением за исследуемые годы не столь очевидны. Можно предположить, например, что в ряде случаев такая ситуация объясняется более низкими репродуктивными установками приезжающих мигрантов, связанными с их образом жизни или целью миграции.

В Таблице 8 приведены результаты расчета возрастных коэффициентов рождаемости среди мигранток и немигранток, при этом, учитывая небольшую совокупность мигранток, во избежании резких колебаний, возрастные коэффициенты рассчитаны по десятилетним возрастным группам. Тем не менее, даже с учетом укрупнения за счет удлинения группы индикаторы снова показывают существование значительных различий не только между мигрантками и немигрантками, но и субъектами РФ по рождаемости мигранток.

Таблица 8 - Возрастные коэффициенты рождаемости в десятилетних возрастных группах среди мигрантов и немигрантов в 2009 году

Субъект РФ	Возрастные коэффициенты рождаемости среди женщин-немигрантов				Возрастные коэффициенты рождаемости среди женщин-мигрантов			
	15-17 лет	18-29 лет	30-39 лет	40-49 лет	15-17 лет	18-29 лет	30-39 лет	40-49 лет
Краснодарский край	14,00	87,45	43,86	2,22	2,05	51,15	14,80	0,57
Приморский край	14,57	78,54	42,07	2,07	28,05	90,83	25,88	5,95
Ставропольский край	12,49	77,10	40,53	1,8	30,78	117,45	29,15	0,80
Иркутская область	18,21	97,46	48,02	2,47	25,84	199,38	71,35	7,46
г. Санкт-Петербург	5,13	70,57	49,66	2,76	17,61	66,94	22,6	1,61
Ленинградская область	10,04	64,82	36,13	1,67	1,93	20,63	6,84	0,91
г. Москва	1,85	66,90	49,07	3,62	05,84	173,09	78,14	9,10
Московская область	8,30	78,50	44,55	2,26	3,01	32,13	11,26	1,11
Свердловская область	14,06	81,53	46,39	2,12	41,04	431,98	126,30	9,59
Республика Татарстан	6,71	81,16	46,77	2,38	27,86	159,08	64,18	2,96

Однако наибольший интерес представляет не столько изучение повозрастных показателей рождаемости и относительных коэффициентов (по большому счету они являются вспомогательными и предварительными показателями), но изучение вклада мигрантов в формирование агрегированных показателей рождаемости, которые и будут использоваться для итоговой характеристики демографической ситуации. Для оценки интенсивности рождаемости такими показателями будет являться суммарный коэффициент рождаемости.

Прежде чем перейти к расчету суммарного коэффициента рождаемости, как показателя, который наиболее точно охарактеризует различия между рождаемостью мигрантов и коренного населения необходимо сказать несколько слов о допущениях, которые надо принимать во внимание при анализе данного типа моделей.

Безусловно, эмпирические данные по большинству развитых стран подтверждают, что прибывающие мигранты часто ощутимо отличаются от коренного населения по своим демографическим характеристикам, и в частности по принятой среди них модели репродуктивного поведения (причем в ряде случаев, как мигранты из Китая, Ирана, Южной и Восточной Европы в сторону меньших показателей рождаемости).

Однако полученные результаты невозможно однозначно интерпретировать как безусловные различия в моделях воспроизводства и даже различия в возрастном календаре рождаемости у коренного населения и мигрантов. Дело снова в том том, что при работе с данными Росстата о числе рождений для выделения совокупности событий, относящихся к мигрантам, доступными за 2009 год, мы видим только гражданство матери, таким образом, мы не имеем возможности разделять рождения, происшедшие у пар, в которых оба родителя - иностранцы, и у смешанных пар. Это относилось к концу 2000-х гг., однако в настоящее время ситуация несколько улучшилась – так, например, в данных Росстата мы можем увидеть общую картину распределения детей по гражданству обоих родителей и проанализировать динамику.

В то же время при расчете суммарного коэффициента рождаемости для мигрантов мы опять же сильно огрубляем возможность определения статуса мигранта, так как ключевым критерием для получения «статуса» мигранта человеком является гражданство, что не совсем верно. Таким образом, в дальнейшем, для обеспечения возможности полноценного изучения вклада мигрантов в процессы воспроизводства населения, перечень переменных, по которым Росстат получает данные из органов ЗАГС, обязательно должен быть расширен таким образом, чтобы он включал все «миграционные» переменные, учитываемые при регистрации актов гражданского состояния. В этом случае исследователь с большей точностью сможет проводить оценки различий рождаемости среди различных категорий мигрантов и между ними и коренным населением (на основании не только гражданства, но и времени пребывания).

В таблицах 9 и 10 представлены результаты расчетов суммарных коэффициентов рождаемости, которые в ряде случаев (например, Свердловская и Ленинградская области) различаются настолько сильно, что данные различия кажутся маловероятными. Кроме того, только в шести регионах из 10 величина СКР среди мигрантов оказалась выше аналогичного показателя для женщин-немигранток (то есть в 4 регионах рождаемость среди мигрантов, напротив, настолько низка, что не повышает, а, наоборот, понижает СКР по региону в целом). Таким образом, в ряде регионов данные согласуются с предположением о том, что мигранты пребывают из стран с более высокими репродуктивными установками, чем у коренного населения РФ, в то время как для другой части регионов можно говорить о том, что установки трудовых мигрантов заключаются в большей ориентированности в настоящий момент на работу, чем на семью. Также различия могут объясняться странами происхождения мигрантов (по аналогии с наблюдениями, характерными для китайской диаспоры в Великобритании, например) и долей трудовых мигранток среди женщин, совершивших миграцию. Возможно также, что причина здесь в недостатках статистического учета, причем различных для разных регионов.

Таблица 9 - Суммарные коэффициенты рождаемости среди всего населения, коренного населения и мигрантов в 2009 году

Регион	СКР для всех женщин	СКР для женщин - немигрантов	СКР для женщин – мигрантов
Краснодарский край	1,54	1,55	0,77
Приморский край	1,43	1,43	1,49
Ставропольский край	1,39	1,39	1,80
Иркутская область	1,74	1,73	3,26
г. Санкт-Петербург	1,38	1,39	1,10
Ленинградская область	1,16	1,19	0,33
г. Москва	1,39	1,34	3,06
Московская область	1,38	1,43	0,52
Свердловская область	1,52	1,51	6,67
Республика Татарстан	1,49	1,49	2,66

Если рассмотреть результаты расчетов в терминах «работы» мигрантов на повышение или на понижение показателей рождаемости региона, то наиболее наглядные результаты представлены в таблице 10. В соответствии с таблицей максимальный положительный вклад в СКР, измеренный в относительном выражении, среди всех рассмотренных регионов вносят мигранты в г. Москве (3,6%), а отрицательный - в Московской области (-3,6%). Это весьма интересно, так как речь

идет о соседних регионах. Сразу же возникает вопрос о правильности определения места регистрации рождения ребенка и самой матери-мигрантки. В то же время в случае с Санкт-Петербургом и Ленинградской областью в обоих субъектах вклад мигрантов будет отрицательным, что, правда, не отменяет проблем «плавающей» регистрации и перетекания регистрации из одного региона в другой, явно характерных и для Северной столицы, но указывает на то, что московский феномен вряд ли имел такое простое объяснение. В дальнейшем мы подробнее остановимся на ситуации в Москве, включив в рассмотрение ещё более ранние данные.

Таблица 10 - Абсолютный и относительный вклад мигрантов в показатель суммарной рождаемости субъектов Российской Федерации в 2009 году

Регион	Абсолютная величина вклада мигрантов в СКР	Относительная величина вклада мигрантов в СКР
Краснодарский край	-0,01	-0,6
Приморский край	0	0,00
Ставропольский край	0	0,00
Иркутская область	0,01	0,57
г. Санкт-Петербург	-0,01	-0,72
Ленинградская область	-0,03	-2,59
г. Москва	0,05	3,60
Московская область	-0,05	-3,62
Свердловская область	0,01	0,66
Республика Татарстан	0	0,00

Следовательно, результаты, которые получила С. Бирюкова в ходе проведения исследования миграции на основании данных текущего учета населения, показали, что использование данных методов имеет большой потенциал. Тем не менее, были очевидны и серьезные ограничения: результаты получились крайне неустойчивыми, а отсутствие стандартной процедуры сбора данных по всем регионам вынуждает ограничиваться разделением населения на совокупности мигрантов и немигрантов на основании указанного гражданства, что часто не является верным. Значительные колебания и «странные» результаты по отдельным регионам говорят о том, что в ряде регионов, скорее всего, данные по миграционному учету, а также данные по отнесению матерей к различным категориям в зависимости от миграционного статуса систематизируются неверно.

Также при анализе данных текущего учета по рождаемости мигрантов необходимо установить, не работаем ли мы со слишком малыми группами населения,

которые не могут дать нам надежной информации о феномене и слишком сильно подвержены случайным колебаниям. Обратимся к нашему знаменателю (числу мигрантов)

Во-первых, посмотрим, насколько репрезентативными были базы данных исследования. Очевидно, что автором для осуществления расчетов была сформирована выборка, максимально обеспечивающая репрезентативность. В ней были представлены субъекты Российской Федерации по всем существовавшим на тот момент федеральным округам. В качестве критерия отбора регионов использовался показатель величины миграционного притока. Для избежания проблем учета населения столичных агломераций (и даже с целью рассмотрения возможностей его оценки) в Центральном и Северо-Западном федеральных округах вошедшие в выборку города федерального значения Москва и Санкт-Петербург были взяты вместе с Московской и Ленинградской областями. Как мы видели выше, такое решение автора было вполне оправданным, так как расхождения по Московской и Ленинградской областям с соответствующими городами федерального значения получились весьма значительными.

Таблица 11 - Общие итоги миграции в отношении к численности населения регионов, 2009 год

2009 год

Субъект РФ	Число прибывших, всего:		В том числе из-за пределов региона				Справочно: численность населения субъекта на 1 января 2010 г., тыс.чел.
			из других регионов России		из других стран мира		
	тыс. чел.	процент от численности населения региона	тыс. чел.	процент от численности населения региона	тыс. чел.	процент от численности населения региона	
Краснодарский край	78,7	1,5	39,1	0,8	10,3	0,2	5160,7
Приморский край	24,9	1,3	7,6	0,4	2,2	0,1	1982,0
Ставропольский край	45,7	1,7	18,9	0,7	5,4	0,2	2711,2
Иркутская область	29,1	1,2	8,7	0,3	1,6	0,1	2502,7
г. Санкт-Петербург	57,3	1,2	44,4	1,0	6,2	0,1	4600,3
Ленинградская область	30,1	1,8	19,3	1,2	5,3	0,3	1629,6
г. Москва	89,7	0,8	76,0	0,7	13,6	0,1	10563,0
Московская область	133,9	2,0	79,8	1,2	22,3	0,3	6752,7
Свердловская область	54,9	1,2	17,9	0,4	5,3	0,1	4393,8
Республика Татарстан	53,9	1,4	13,5	0,4	9,5	0,3	3778,5

Также отдельного внимания заслуживает категория «гражданство», которая и использовалась исследователем для выделения иммигрантов (знаменателя) из всей

совокупности людей, попавших в выборку. Здесь важны следующие оговорки и допущения, сделанные автором.

В ходе разработки информации из графы «Гражданство», содержащейся в базах регистрации рождений, выделялось пять основных групп родителей новорожденного: (1) имевшие российское гражданство; (2) имевшие гражданство иностранного государства, входившего в состав Советского Союза; (3) имевшие гражданство иного иностранного государства; (4) лица без гражданства и (5) лица, гражданство которых не было указано. Такой подход, с одной стороны, упрощает проведение анализа за счет укрупнения рассматриваемых совокупностей мигрантов. С другой стороны, приведенная группировка позволяет увидеть, что в текущей статистике населения находит отражение специфика потока прибывающих в Россию международных мигрантов, в котором до сих пор преобладают выходцы из стран, входивших в состав бывшего Советского Союза. Отметим, что точно такие же 5 категорий выделялось и в охарактеризованном выше исследовании Захарова, которое опирается на более современное состояние дел в России. Однако в настоящий момент статистика доступна для обоих родителей

На долю иностранных граждан, согласно Таблице 12, в 2009 г. в рассмотренных регионах приходилось от 0,5% до 6,6% от общего числа зарегистрированных рождений. Нужно отметить, во-первых, что разброс этих показателей по регионам оказывается довольно значительным, и, во-вторых, их величины не зависят напрямую от показателей интенсивности миграционного притока.

Таблица 12 - Распределение зарегистрированных рождений по информации, содержащейся в графе «гражданство», в процентах по строке, 2009 год

Регион	Гражданство матери (отца)				Всего	
	россий- ское	иност- ранное, на территории бывшего СССР	иност- ранное, за пределами бывшего СССР	лица без граждан- ства	граждан- ство не указано	
Краснодарский край	98,8	0,5	0,0	0,0	0,7	100,0
Приморский край	98,9	0,6	0,0	0,0	0,4	100,0
Ставропольский край	98,8	0,7	0,1	0,0	0,4	100,0
Иркутская область	98,8	0,8	0,1	0,0	0,3	100,0
г. Санкт-Петербург	97,4	2,0	0,1	0,0	0,5	100,0

Продолжение таблицы 12

Ленинградская область	98,8	0,8	0,0	0,0	0,3	100,0
г. Москва	90,9	5,9	0,7	0,0	2,5	100,0
Московская область	97,3	2,1	0,0	0,0	0,5*	100,0
Свердловская область	98,1	1,5	0,0	0,0	0,3	100,0
Республика Татарстан	99,1	0,8	0,1	0,0	0,0	100,0

В очередной раз отметим, что сложность исследования заключается в отделении трудовых мигрантов от мигрантов постоянных. И в целом, как известно, события, происходящие с участием международных мигрантов, могут быть совершенно незначимыми с точки зрения демографии принимающей страны, так как, будучи временными мигрантами, как родители, так и дети возвращаются на родину, не оставляя «следа» в постоянном населении принимающей страны. При расчете знаменателя – численности мигрантов в целом демографически корректно при изучении вклада мигрантов в воспроизводство населения принимать во внимание только так называемых «постоянных» или «безвозвратных» мигрантов. Но при исследовании только трудовой миграции такой метод неприемлем. Проблема использования гражданства в качестве признака мигрантов (любых или только трудовых) также уже широко в данном случае обсуждалась, в конечном итоге, мы ещё раз убеждаемся в недостаточности данных текущего учета и необходимости использования дополнительных обследований для понимания сути положения дел с рождаемостью в среде трудовых мигрантов.

По мнению С.Бирюковой, «для надежности, точности и возможности дальнейшего практического использования результатов указанных расчетов необходимо располагать достоверными данными о возрастно-половом распределении мигрантов на территориях субъектов Российской Федерации. При этом контингенты мигрантов должны быть выделены по тому же признаку, по которому из массивов записей о регистрации смертей и рождений выделяются демографические события, относящиеся к мигрантам. Для оценки вклада мигрантов в уровень рождаемости населения принимающей территории, наряду с возрастными коэффициентами, обладающими аналогичными предлагается использовать суммарный коэффициент рождаемости. Вклад мигрантов в суммарный коэффициент рождаемости можно трактовать несколькими способами, но по результатам данной работы предлагается оценивать его как разность между суммарным коэффициентом рождаемости,

рассчитанным для всех женщин, проживающих на территории региона, и суммарным коэффициентом рождаемости, вычисленным для женщин из числа коренного населения. Кроме того, можно перейти к измерению вклада мигрантов в показатели рождаемости в относительном выражении, для чего необходимо указанную разность разделить на величину суммарного коэффициента рождаемости, рассчитанного для всех женщин. Конкретные результаты, полученные в ходе проведения пробного расчета по предложенной методологии, хотя и не могут в полной мере считаться достоверными в силу ряда недостатков, использовавшихся данных о численностях мигрантов, обнаружили значимые различия в моделях смертности и рождаемости, наблюдаемых среди мигрантов и коренного населения. В числе наиболее важных из полученных результатов следует указать вывод о том, что почти в половине из рассмотренных нами регионов мигранты вносят отрицательный вклад в показатели рождаемости, то есть в этих регионах среди мигрантов наблюдаются более низкие уровни рождаемости, чем среди коренного населения» [10].

Интересные данные получаются по результатам более ранних исследований, например, в работах В. Архангельского и соавторов [13], а также С. Рязанцева и М.Каримова [5]. Исторические оценки содержат следующие значения: в 2010 г. в России родилось 24,1 тыс. детей у матерей, которые были иностранными гражданками, в нашем случае можно будет назвать их иммигрантами, что составляло всего не более 2 % всех родившихся детей в России в 2010 г. (в 2015 году их количество приблизилось практически к 2.5%). Как и следует ожидать, по регионам страны ситуация отличается. В Москве - центре с большой концентрацией трудовых мигрантов ещё в начале 2000-х гг. 13,5% детей были рождены женщинами, не имевшими постоянной регистрации в Москве (см. Таблицу 14). Но опять же отметим, что эти данные нельзя считать статистикой рождаемости у трудовых иностранных мигрантов в полной мере. Женщины, не являющиеся постоянными жительницами Москвы, могут быть как внутрироссийскими, так международными мигрантами. Также при расчете относительных показателей рождаемости у трудовых мигрантов важно знать, что, когда в органах ЗАГС регистрируются и, таким образом, попадают в статистический учет рождения у иностранных граждан, сами эти мигранты могут отсутствовать в общем учете населения (быть нелегальными мигрантами). Полученные результаты, таким образом, могут быть истолкованы не совсем верно: в числе родившихся (числитель) при расчете повозрастного, а, следовательно, и

суммарного коэффициента рождаемости внутрироссийские мигранты учитываются, а в численности населения города (знаменатель) — с достаточно большой вероятностью не учитываются. Как результат, это может привести к завышению показателей рождаемости. Односторонний учет родившихся у внутренних мигрантов (когда в показателях рождаемости учитываются только новорожденные, но не учитываются их отцы и матери) в некотором роде может привести к сокрытию негативной ситуации с рождаемостью в крупных городах. Однако в случае с Москвой эта ситуация вряд ли даже компенсирует общий недоучет повозрастных показателей рождаемости, который характерен для столицы. Например, влиянию подобных «странностей» в знаменателе часто приписывают неожиданные с точки зрения основных объясняющих компонентов рождаемости расхождения в суммарном коэффициенте рождаемости между Москвой и Санкт-Петербургом.

Таблица 13 - Рождаемость у иностранных гражданок и иногородних жительниц, и Суммарный коэффициент рождаемости в Москве в 1993–2003 гг.

год	число детей	доля в общем числе родившихся	с учетом иногородних и иностранцев	без учета иногородних и иностранцев
1993	2938	4.7	1.041	0.993
1994	3732	5.6	1.139	1.077
1995	4244	6.1	1.192	1.119
1996	4837	7.1	1.190	1.108
1997	5242	7.8	1.174	1.084
1998	4965	7.4	1.172	1.089
1999	5485	8.2	1.156	1.060
2000	6766	9.3	1.248	1.131
2001	8470	11.1	1.286	1.142
2002	10426	12.8	1.367	1.194
2003	11729	13.5	1.092	0.945

Если вернуться к исследованиям Рязанцева и соавторов и обратить внимание на распределение матерей - иностранных гражданок по странам их гражданства, то выяснится, что в 2010 году основной вклад в рождаемость иностранных граждан в РФ вносят гражданки стран СНГ, что объяснимо с учетом особенностей миграционных потоков. На тот год ситуация была следующая: женщины с гражданством Азербайджана были матерями 4 тыс. детей, на втором месте расположились матери из Таджикистана – 3,3 тыс., далее Киргизии – 2,5 тыс., затем Узбекистана – 2,3 тыс., а пятерку закрыла Украина – 2,2 тыс. детей. Разумеется, в этих цифрах не отражена

статистика по представительницам данных стран, получившим российское гражданство. Также крайне сложно сказать, являются ли женщины, рождаемость у которых показывают данные цифры, трудовыми мигрантками или женами трудовых мигрантов. Можно только обратить внимание, что распределение мигрантов по странам отображает определенные изменения и особенности, характерные для миграции в Россию за несколько лет до изучаемого явления. Так, например, к моменту описываемого исследования поток мигрантов из Азербайджана существенным образом ослаб, в то время как в Киргизстане и Узбекистане миграция в РФ стала только набирать обороты, хотя число родившихся у выходцев из этих стран оказалось ниже, чем число родившихся у выходцев из Азербайджана. То есть рождаемость среди трудовых мигрантов естественным образом имеет достаточно существенный временной «лаг» после их первого появления в границах России. Модель здесь довольно универсальная: трудовой мигрант начинает работать в РФ, затем к нему приезжает семья (или он вступает в брак в стране происхождения и привозит семью). Далее, он может попасть в категорию постоянного мигранта или получить гражданство (при этом иногда это случается даже после процесса получения гражданства, таким образом, из статистики он выпадает), но в ряде случаев даже при статусе трудового мигранта или постоянного мигранта без гражданства у главы семьи в семьях происходят рождения, что и будет квалифицировано исследователем при анализе записи актов о рождении как рождаемость трудовых мигрантов. В ряде случаев возможна ситуация, когда из семьи приезжает сначала женщина (ситуация редкая для таких стран, как Узбекистан и Таджикистан, но вполне возможная для Украины, Молдавии, а также в последнее время и Кыргызстана). Но различение таких случаев на основе данных текущего учета затруднено. Поэтому, как уже было сказано, во многих случаях приходится иметь дело с упомянутыми допущениями, уравнивающими гражданство некоторой страны с фактом миграции из этой страны, что побуждает исследователя к осторожности в интерпретации данных.

Для рассмотрения данных по состоянию на самое начало постсоветской трудовой миграции в Россию (с 1993 по 2003) важно обратиться к исследованиям В. Архангельского по Москве. Интересно рассмотреть интерпретацию полученных им результатов, выходящую из-под пера исследователей 2000-2010-х гг. [13]

Например, им выдвигалась гипотеза о том, что сохранение более высокой рождаемости для всех возрастных групп (а в особенности в самых младших) у

мигрантов по сравнению с коренным населением в будущем может фактически привести к постепенному замещению рождений у постоянных жительниц Москвы рожденьями у иногородних женщин. Считалось, что последствия такого замещения, безусловно, негативны, так как приведут к изменению социокультурного и этнического состава населения города. Однако во всех крупных городах происходило и происходит и замещение, и ассимиляция новых культур, процессы перемешивания и отбора. Кроме того, данный процесс находится в логике третьего демографического перехода, понятие которого было предложено Д. Коулманом и развито его последователями на примере основных западноевропейских стран. Классические концепции миграции также предсказывают, что прибывающие из сельской местности в города мигранты могут иметь более высокие показатели рождаемости, однако со следующими поколениями эти показатели сближаются с населением принимающей страны.

Таблица 14 - Доля детей, родившихся у иностранок и иногородних жительниц Москвы, в общем числе родившихся по возрасту матери в 1993-2003 гг., %

	Возрастные группы						
	15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49
1993	3.9	4.7	5.1	4.3	4.2	4.8	5.7
1994	4.6	5.4	6.3	5.2	4.4	4.6	0
1995	4.5	5.9	7.3	5.4	5.3	5.4	7.1
1996	6	6.8	7.9	6.8	5.4	6.8	2.6
1997	6.7	7.7	8.5	7.1	6.2	7.2	4.2
1998	6.1	7.2	7.8	6.4	5.7	6.1	10.7
1999	7.9	8.4	8.2	7.3	6.7	6.2	14.1
2000	9.2	9.9	9	8.5	7.1	7.3	7.8
2001	11.2	12.4	11	9.4	8.4	8.1	5.6
2002	13.8	14.4	12.7	10.6	9.6	9.2	6.9
2003	13.8	14.8	13.9	11.9	9.7	9.6	14.6

Отметим также, что данные по конвергенции показателей рождаемости мигрантов и коренного населения во втором и последующих поколениях мигрантов представлены в работах Х. Кулу [14] и соавторов, а также Т. Сobotки [15]. При этом этнические демографические прогнозы (прогнозы по составу населения) по основным развитым странам мира (например, по Англии и по США) показывают, что концепция третьего демографического перехода там находит подтверждение. Однако необходимо отметить, что при оценке такого прогноза существуют проблема

национальной идентификации мигрантов во втором поколении. По крайней мере, об этом могут свидетельствовать предварительные качественные исследования поведения детей мигрантов (особенно из Средней Азии) в школах России и при выходе на рынок труда. С другой стороны, данные по поведению мигрантов на брачном рынке показывают большое тяготение даже детей мигрантов при заключении брачных союзов к партнерам одинаковой с ними национальности. Однако в настоящий момент можно заметить «замену» национальности на вероисповедание [16, 17, 18] – когда не важен факт совпадения этнической принадлежности, но важна одинаковая вера, что само по себе достаточно новое явление, которое требует дополнительного изучения, но распространяется оно уже не только на мигрантов, но и на представителей различных этнических групп, проживающих в Москве.

Важный момент, касающийся, трудовых мигрантов, заключается в том, что для включения показателей их рождаемости в долгосрочные прогнозы необходимо понимать, что если эти дети не будут оставаться в России, то рождаемость у них не будет вносить вклад в воспроизводство населения страны или города, в котором он проживают в период миграции. То есть дети трудовых мигрантов часто могут возвращаться на родину вскоре после рождения, и из-за этого возможно искажение показателей рождаемости не только в стране пребывания, но и в стране выбытия. Учитывать подобные перетоки населения из одной в совокупности в другую при рождаемости в среде трудовых мигрантов для населения стран СНГ – например, Армении, Кыргызстана, а также более густо населенных Таджикистана и Узбекистана весьма трудно (отметим, что в Узбекистане трудовая миграция вряд ли сильно сказывается на числителе и даже на знаменателе коэффициентов рождаемости ввиду большой численности населения, в то же время в Таджикистане занижение знаменателя за счет трудовой миграции, которая в стране недоучитывается при расчете суммарного коэффициента рождаемости, явно приводит к недоучтенной рождаемости).

1.6 Оценка внебрачной рождаемости

Работы 2000-х гг. делали попытки в том числе и оценок внебрачной рождаемости среди них. Так, по расчетам В. Архангельского и соавторов [13], среди иностранных и иногородних женщин, регистрирующих рождение детей в Москве, доля родивших вне зарегистрированного брака в 1,8 раза выше, чем у постоянных жительниц Москвы. Особенно высока она была в 1998-1999 гг., когда составляла 48%.

После этого доля внебрачных рождений среди мигрантов несколько сократилась, однако абсолютное число их неуклонно росло до начала 2000-х гг. При более детальном рассмотрении повозрастных показателей становится очевидным, что среди женщин-мигранток доля родившихся вне зарегистрированного брака детей выше, чем у постоянных жительниц Москвы во всех возрастах. У 15–19-летних женщин она превышает 60%, что, впрочем, может быть связано с относительно небольшим объемом выборки. Высока она и у 20–24-летних женщин (в 1998 г. почти каждое второе рождение у женщин этого возраста происходило вне зарегистрированного брака). Возможно ли в данном случае распространение данного феномена только среди внутренних мигрантов? Скорее всего, не в полной мере, так как в данном случае, доля внебрачных рождений среди иностранных мигрантов стремилась бы к нулю. Также невозможно перераспределить все рождения вне брака на гражданок Молдавии и Украины (также получится слишком большой процент). Таким образом, можно согласиться с выводом указанной работы о том, что при анализе подобных цифр в 1990 – начале 2000-х гг. мы имеем дело с ростом внебрачной рождаемости в группах трудовых мигрантов как с новым и уникальным феноменом, учитывая, что многие трудовые мигранты происходят из мусульманских стран с довольно традиционными установками на рождение детей исключительно в официальном браке. Однако разрушает ли массовое вовлечение мусульманских женщин в трудовую миграцию эти стереотипы? Не могло ли это быть связано с распространением ещё в 1990-е гг. в Средней Азии и Азербайджане практики только религиозной регистрации брака, минуя гражданскую процедуру? Однозначно на этот вопрос ответить трудно, все это потребует дополнительных исследований, причем, на данном этапе с включением ретроспективной составляющей.

2 Особенности демографических процессов в странах Средней Азии и возможность их учета при анализе рождаемости среди мигрантов в Российской Федерации

Для анализа демографических процессов среди трудовых мигрантов из стран Средней Азии необходимо принимать во внимание демографические процессы, происходящие в тех странах, откуда они совершили миграцию. Эта необходимость обусловлена следующим.

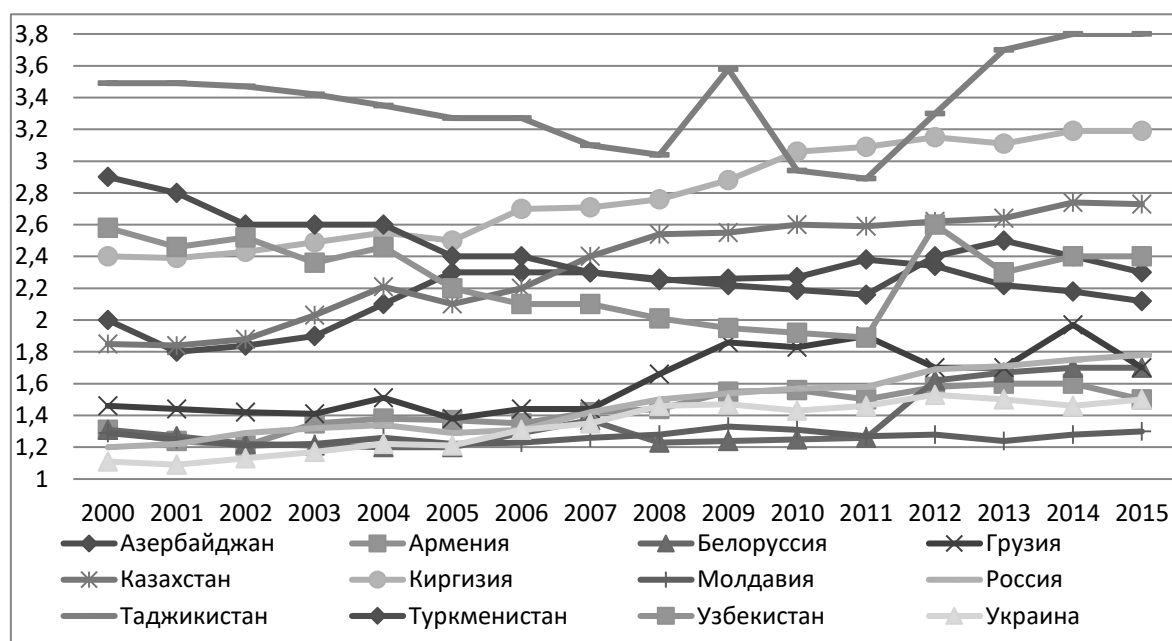
Во-первых, как отмечалось выше, большинство трудовых мигрантов из стран Средней Азии в РФ являются мигрантами первого поколения, родившимися и прошедшими первичную социализацию у себя на родине. В силу этого, согласно имеющимся на сегодня исследованиям рождаемости среди мигрантов в разных странах мира, можно ожидать воспроизводства трудовыми мигрантами образцов демографического поведения, доминирующих на их исторической родине: одна из гипотез о факторах, влияющих на рождаемость среди мигрантов, нашедшая многочисленные подтверждения на примерах мигрантских сообществ в разной «географии», состоит в том, что репродуктивное поведение мигрантов в значительной степени определяется теми репродуктивными установками, которые они усвоили в период первоначальной социализации, то есть в возрасте до 16 лет (так называемая гипотеза социализации). В связи с этим образцы репродуктивного поведения в странах Средней Азии могут воспроизводиться среди трудовых мигрантов в РФ.

В настоящем разделе будут кратко рассмотрены ключевые особенности рождаемости в странах Средней Азии в постсоветский период, с особым вниманием к динамике рождаемости в последнее десятилетие. Поскольку репродуктивные установки, которые мигранты могут приобрести на своей исторической родине, «конкурируют» с репродуктивными установками, которые они могут приобрести в стране миграции, рождаемость в странах Средней Азии рассматривается в сопоставлении с рождаемостью в других странах, прежде всего в России.

2.1 Динамика уровня рождаемости в странах Средней Азии в сравнении с другими постсоветскими странами в 2000-2010-е годы

Общеизвестно, что после распада СССР существенные изменения в уровне рождаемости и ее возрастных характеристиках произошли во всех постсоветских странах, равно как и в других странах бывшего социалистического лагеря. На Рисунках 1-2 показана динамика Коэффициентов суммарной рождаемости в постсоветских странах с 2000 по 2016 годы. После сокращения рождаемости, имевшей место во всех странах бывшего СССР в 1990-е годы, в 2000-е в ряде стран началось ее восстановление. Страны Средней Азии на 2000 год отличались среди постсоветских стран более высоким уровнем рождаемости. После 2000 года тренд на дальнейшее повышение рождаемости наблюдался среди этих стран в Казахстане и Киргизии. В Туркмении, Таджикистане и Узбекистане рождаемость не имела после 2000 года повышательной динамики, однако сохранилась на уровнях, близких к

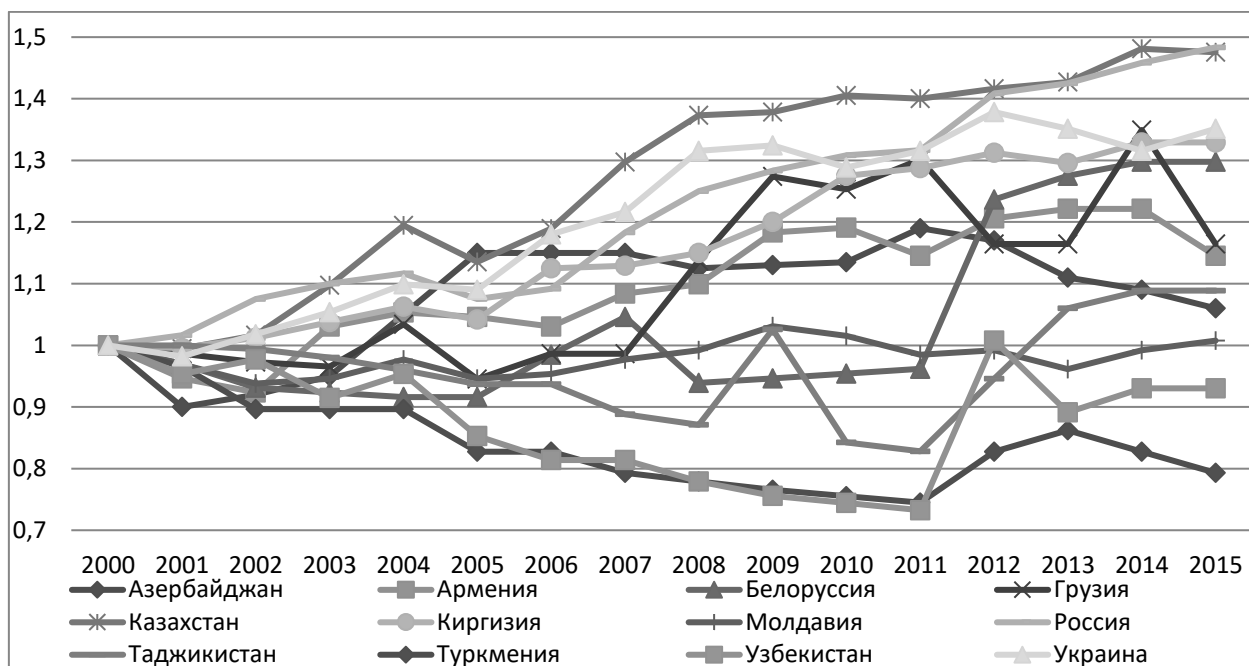
уровню 2000 года, тем самым превышая уровень большинства других постсоветских стран.

Примечание - источник: данные государственных органов статистики.

Рисунок 1 - Коэффициенты суммарной рождаемости в ряде постсоветских стран, 2000-2015

На Рисунке 2 можно также видеть, что сокращение уровня рождаемости, имевшее место во многих постсоветских странах в период экономических трудностей 2008-2010 годов, из стран Средней Азии наблюдалось в Узбекистане и Туркмении, но не наблюдалось в Казахстане, Киргизии и Таджикистане: в Казахстане и Киргизии в эти годы продолжалось поступательное повышение Коэффициента суммарной рождаемости, а в последней он оставался на стабильном уровне.

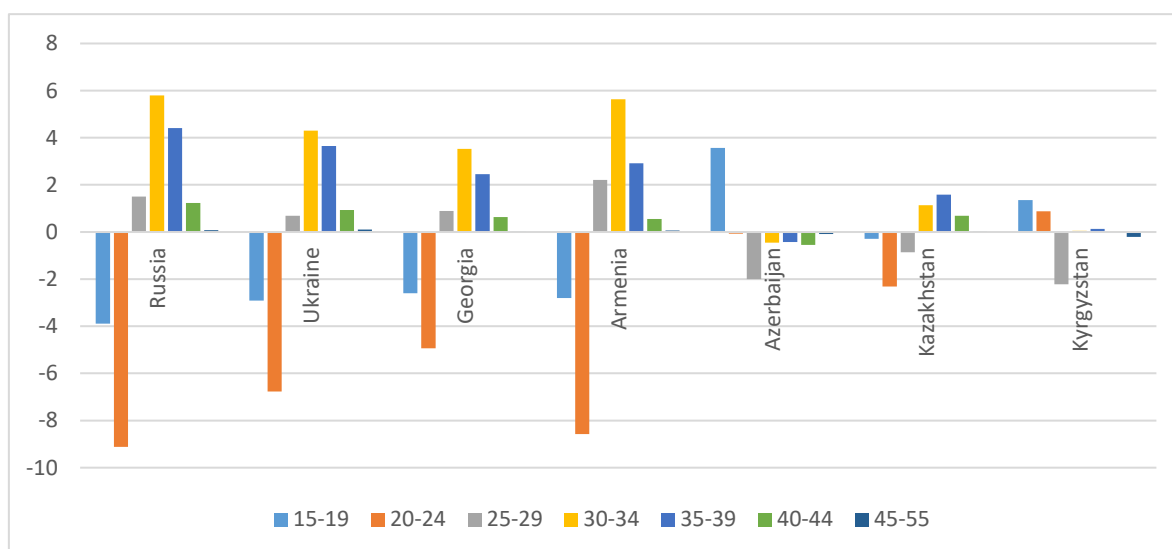
Примечание - расчеты авторов по данным государственных органов статистики.

Рисунок 2 - Коэффициенты суммарной рождаемости в ряде постсоветских стран, 2001-2015 годы в долях относительно 2000 года

2.2 Динамика возрастных коэффициентов рождаемости в странах Средней Азии в сравнении с другими постсоветскими странами в 2000-2010-е годы

Существенные отличия ряда стран Средней Азии от других постсоветских стран в 2000-2010-е годы состоят в динамике возрастных коэффициентов рождаемости. Следует отметить, что сопоставление такой динамики на основе данных официальной статистики возможно не для всех постсоветских стран, а лишь для тех, по которым национальные органы статистики предоставляют данные по возрастным коэффициентам рождаемости (по крайней мере для пятилетних групп женщин репродуктивного возраста – 15-19, 20-24, 25-29, 30-34, 35-39, 40-44, 45-49 лет) по календарным годам. Среди стран Средней Азии к таковым относятся только Казахстан и Киргизия. Ниже будет рассматриваться возрастная динамика рождаемости в основном в этих странах, с краткой характеристикой имеющихся (недостаточных) данных по некоторым другим странам Средней Азии. Ввиду того, что возрастную динамику, сходную с той, которая наблюдается в Казахстане и Киргизстане, демонстрировал в 2000-2010-е годы также Азербайджан, ниже упоминается возрастная динамика и в этой стране.

В Таблице 15 показаны средние годовые возрастные коэффициенты рождаемости для пятилетних групп, средние Коэффициенты суммарной рождаемости и средние вклады разных пятилетних возрастных групп в Коэффициент суммарной рождаемости для ряда постсоветских стран для периода с 2004 по 2006 год и с 2014 по 2016 год (для Киргизии первая группа средних показателей – за 2006-2008 годы, поскольку данных официальных органов статистики Киргизии по возрастным коэффициентам рождаемости за 2004 и 2005 годы получить не удалось). На Рисунке 3 визуально показаны различия вкладов разных возрастных групп в Коэффициент суммарной рождаемости в указанных странах в середине 2000-х и середине 2010-х (разность между процентной долей соответствующего возрастного коэффициента в Коэффициенте суммарной рождаемости в середине 2010-х и середине 2000-х годов).

Примечание - данные государственных органов статистики.

Рисунок 3 - Разность процентных вкладов возрастных групп в Коэффициент суммарной рождаемости в 2014-2016 и 2004-2006 гг. в ряде постсоветских стран (п.п.)

Таблица 14 и Рисунок 3 указывают на заметный контраст между такими постсоветскими странами, как Армения, Грузия, Россия и Украина, с одной стороны, и Азербайджан, Казахстан и Киргизия, с другой. В Армении, Грузии, России и на Украине наблюдалось заметное уменьшение вкладов самых молодых возрастных групп (15-19 и 20-24) в Коэффициенты суммарной рождаемости в середине 2010-х годов по сравнению с серединой 2000-х годов. Также в этих странах в середине 2010-х годов по сравнению с серединой 2000-х произошло заметное увеличение вкладов в

Коэффициент суммарной рождаемости более старших возрастных групп, прежде всего, возрастной группы 30-34 лет. В противоположность этому, в Азербайджане, Казахстане и Киргизии рост вклада старших возрастных групп в Коэффициент суммарной рождаемости либо был гораздо более скромным, чем Армении, Грузии, России и на Украине (это имело место в Казахстане), либо не наблюдался вовсе (в Азербайджане и Киргизии). Что касается вклада в Коэффициент суммарной рождаемости возрастных групп 15-19 и 20-24 лет, то в Казахстане наблюдалось его слабое снижение (гораздо меньшее, чем в Армении, Грузии, России и на Украине), а в Киргизии и Азербайджане вклад возрастной группы 15-19 лет в середине 2010-х даже вырос по сравнению с серединой 2000-х. Рисунок 3 показывает также, что в Казахстане, Киргизии и Азербайджане в интересующий нас временной отрезок возрастная модель рождаемости была в целом значительно стабильнее, чем в Армении, Грузии, России и на Украине. Во всех странах первой группы имелась только одна возрастная категория, у которой вклад в Коэффициент суммарной рождаемости в середине 2010-х по сравнению с серединой 2000-х изменился больше, чем на 2% (женщины 15-19 лет в Азербайджане). Напротив, в каждой из стран второй группы вклады минимум четырех возрастных групп изменились более чем на 2 п.п., и минимум двух возрастных групп – более, чем на 4 п.п.

Таблица 15 - Коэффициенты суммарной рождаемости, возрастные коэффициенты рождаемости и вклады возрастных коэффициентов рождаемости в ряде постсоветских стран в середине 2000-х и середине 2010-х годов

		15-19	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49	Коэффициент суммарной рождаемости
Россия									
2004-2006	Возрастные коэффициенты рождаемости (число рождений на 1000 женщин)	27,93	90,13	78,77	45,90	18,00	3,00	0,13	1,32
	Вклад в КСР, %	10,59	34,15	29,85	17,40	6,82	1,14	0,05	
2014-2016	Возрастные коэффициенты рождаемости (число рождений на 1000 женщин)	23,80	88,97	111,40	82,40	39,93	8,40	0,43	1,78
	Вклад в КСР, %	6,70	25,04	31,35	23,19	11,24	2,36	0,12	
Украина									

Продолжение таблицы 15

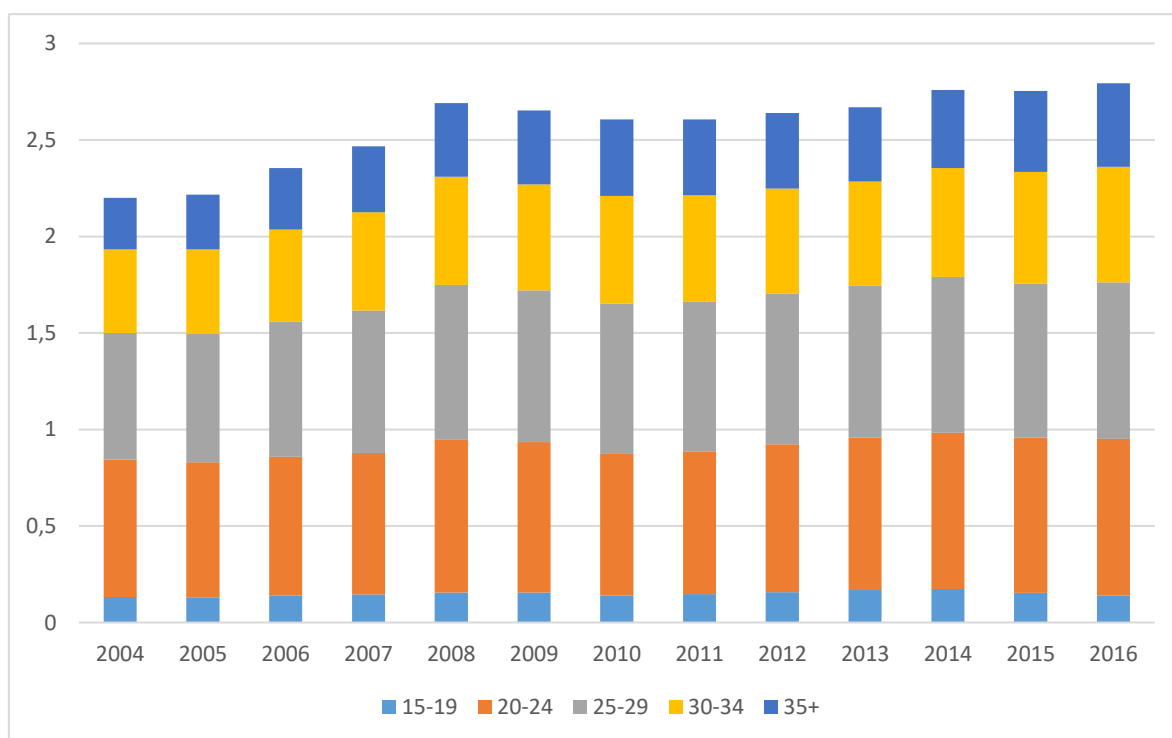
2004-2006	Возрастные коэффициенты рождаемости (число рождений на 1000 женщин)	29,23	91,47	73,90	38,60	13,67	2,33	0,10	1,25
	Вклад в КСР, %	11,74	36,73	29,63	15,46	5,47	0,94	0,04	
2014-2016	Возрастные коэффициенты рождаемости (число рождений на 1000 женщин)	26,53	90,00	91,07	59,37	27,40	5,63	0,43	1,50
	Вклад в КСР, %	8,83	29,95	30,31	19,76	9,12	1,88	0,14	
Армения									
2004-2006	Возрастные коэффициенты рождаемости (число рождений на 1000 женщин)	27,33	120,87	78,07	31,77	11,00	2,10	0,10	1,36
	Вклад в КСР, %	10,07	44,53	28,81	11,73	4,06	0,77	0,04	
2014-2016	Возрастные коэффициенты рождаемости (число рождений на 1000 женщин)	23,93	118,47	102,20	57,20	23,00	4,37	0,33	1,65
	Вклад в КСР, %	7,26	35,95	31,02	17,36	6,98	1,33	0,10	
Грузия									
2004-2006	Возрастные коэффициенты рождаемости (число рождений на 1000 женщин)	41,76	114,68	87,45	49,55	21,17	5,19	0,41	1,60
	Вклад в КСР, %	13,04	35,81	27,31	15,47	6,61	1,62	0,13	
2014-2016	Возрастные коэффициенты рождаемости (число рождений на 1000 женщин)	47,76	141,22	128,93	86,85	41,40	10,33	0,71	2,29
	Вклад в КСР, %	10,44	30,88	28,20	19,00	9,06	2,26	0,16	
Азербайджан									

Продолжение таблицы 15

2004-2006	Возрастные коэффициенты рождаемости (число рождений на 1000 женщин)	40,03	177,03	133,93	62,73	25,67	7,20	0,90	2,24
	Вклад в КСР, %	8,93	39,57	29,91	14,03	5,75	1,62	0,20	
2014-2016	Возрастные коэффициенты рождаемости (число рождений на 1000 женщин)	52,70	166,67	117,93	57,33	22,50	4,53	0,50	2,11
	Вклад в КСР, %	12,49	39,50	27,92	13,57	5,33	1,07	0,12	
Казахстан									
2004-2006	Возрастные коэффициенты рождаемости (число рождений на 1000 женщин)	26,76	142,12	135,03	89,51	47,11	10,34	0,54	2,26
	Вклад в КСР, %	5,93	31,50	29,91	19,82	10,42	2,29	0,12	
2014-2016	Возрастные коэффициенты рождаемости (число рождений на 1000 женщин)	31,23	161,66	160,92	116,11	66,53	16,52	0,87	2,77
	Вклад в КСР, %	5,64	29,19	29,06	20,96	12,01	2,98	0,16	
Киргизия									
2006-2008	Возрастные коэффициенты рождаемости (число рождений на 1000 женщин)	28,09	165,56	159,91	108,93	60,68	18,00	2,81	2,72
	Вклад в КСР, %	5,16	30,44	29,40	20,02	11,15	3,31	0,52	
2014-2016	Возрастные коэффициенты рождаемости (число рождений на 1000 женщин)	41,26	198,15	171,91	126,99	71,37	20,97	2,01	3,16
	Вклад в КСР, %	6,52	31,32	27,17	20,07	11,28	3,31	0,32	

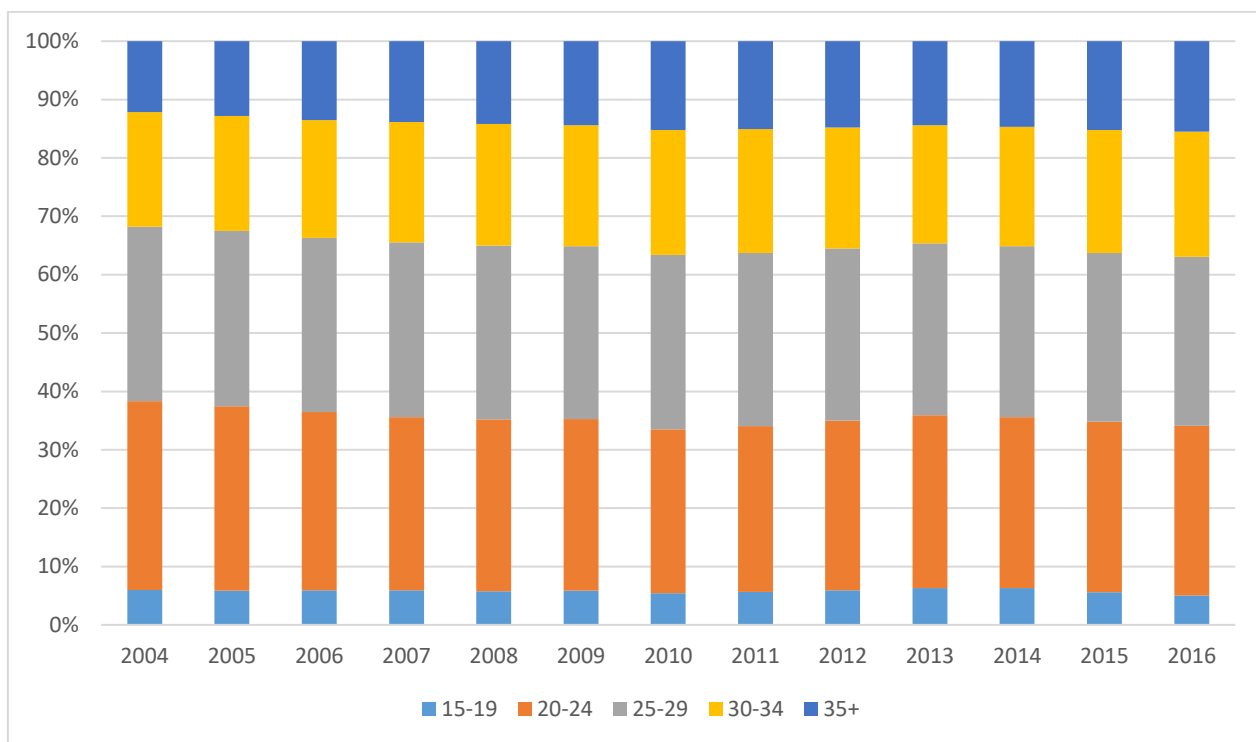
Примечание - данные государственных органов статистики.

Данные официальной статистики по Азербайджану, Казахстану и Киргизии показывают, что наблюдающееся в этих странах отсутствие «сдвига» рождаемости в более старшим возрастам, характерного для других стран бывшего СССР, верно не только относительно тех лет, которые выбраны для сравнения в Таблице 14. Рисунки 4-6 показывают вклады возрастных групп в Коэффициент суммарной рождаемости в этих трех странах за все годы между 2004 и 2016, за которые имеются данные официальной статистики. Видно, что во все эти годы в трех указанных странах изменения вкладов возрастных групп в Коэффициент суммарной рождаемости носили минимальный характер (ср. с динамикой возрастных вкладов за эти же годы в России, показанном на Рисунке 7, где видно поступательное увеличение вкладов возрастов старше 29 лет).

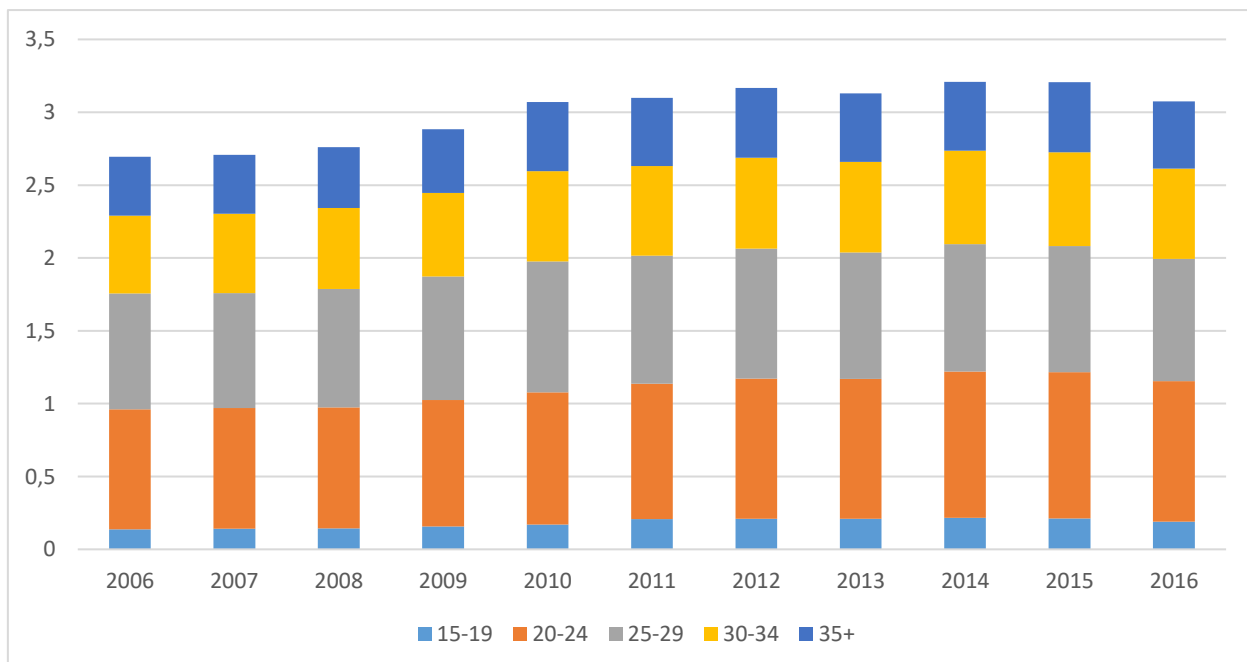
Примечание - Комитет государственной статистики Казахстана.

Рисунок 4а - Коэффициенты суммарной рождаемости и вклады в них возрастных групп (в кол-ве детей на одну женщину) в Казахстане, 2004-2016 гг.

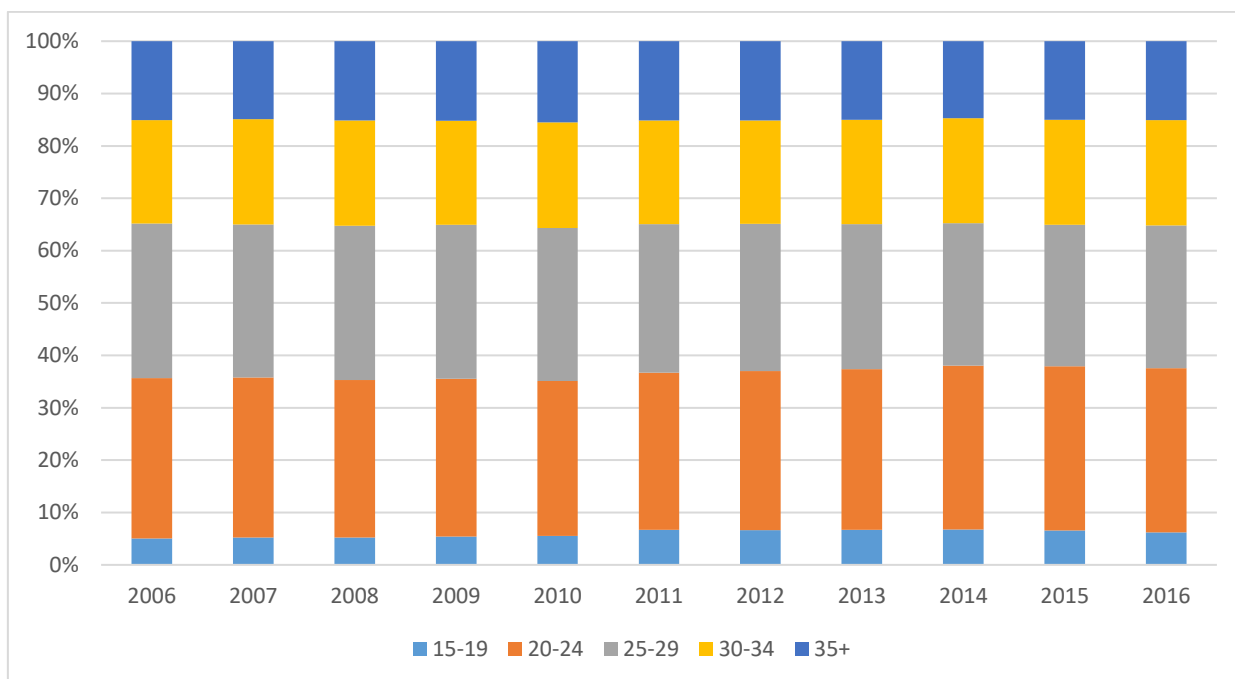
Примечание - Комитет государственной статистики Казахстана.

Рисунок 4б - Вклады возрастных групп в Коэффициент суммарной рождаемости в Казахстане, в %, в 2004-2016 гг.

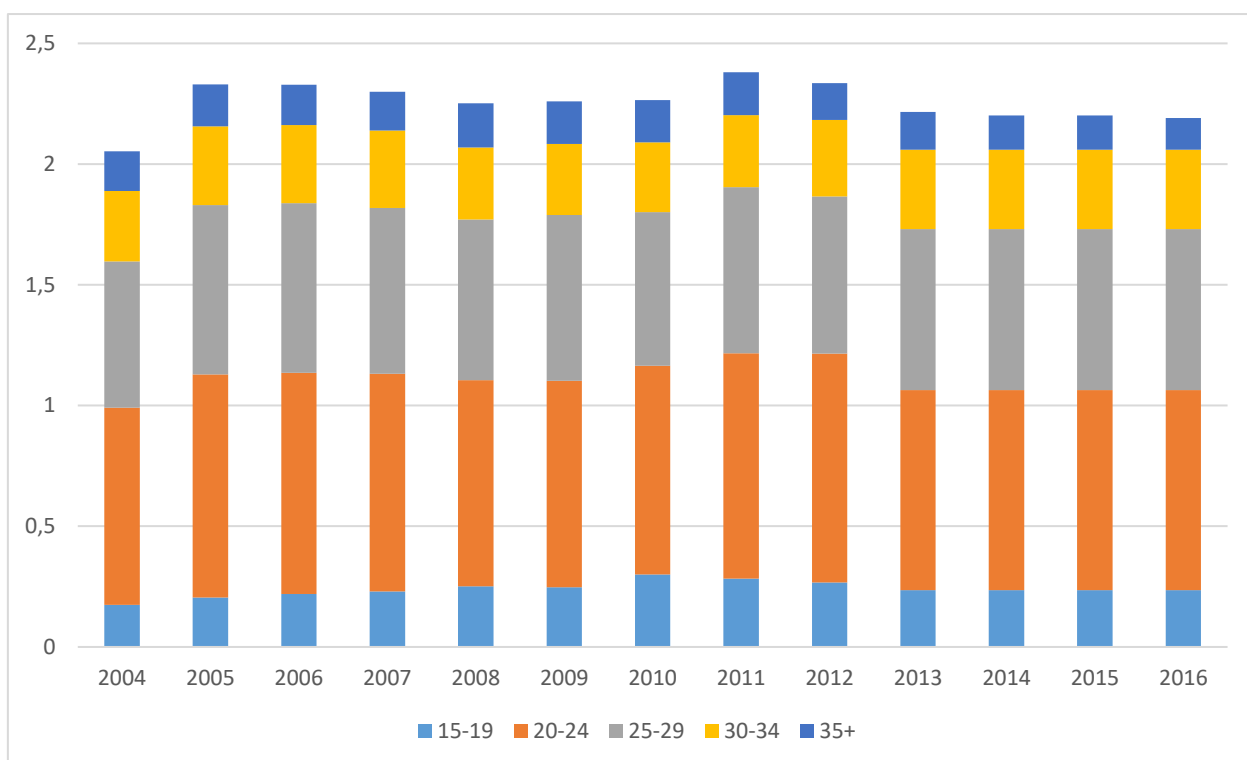
Примечание - Комитет государственной статистики Киргизии.

Рисунок 5а - Коэффициенты суммарной рождаемости и вклады в них возрастных групп (в кол-ве детей на одну женщину) в Киргизии, 2006-2016 гг.

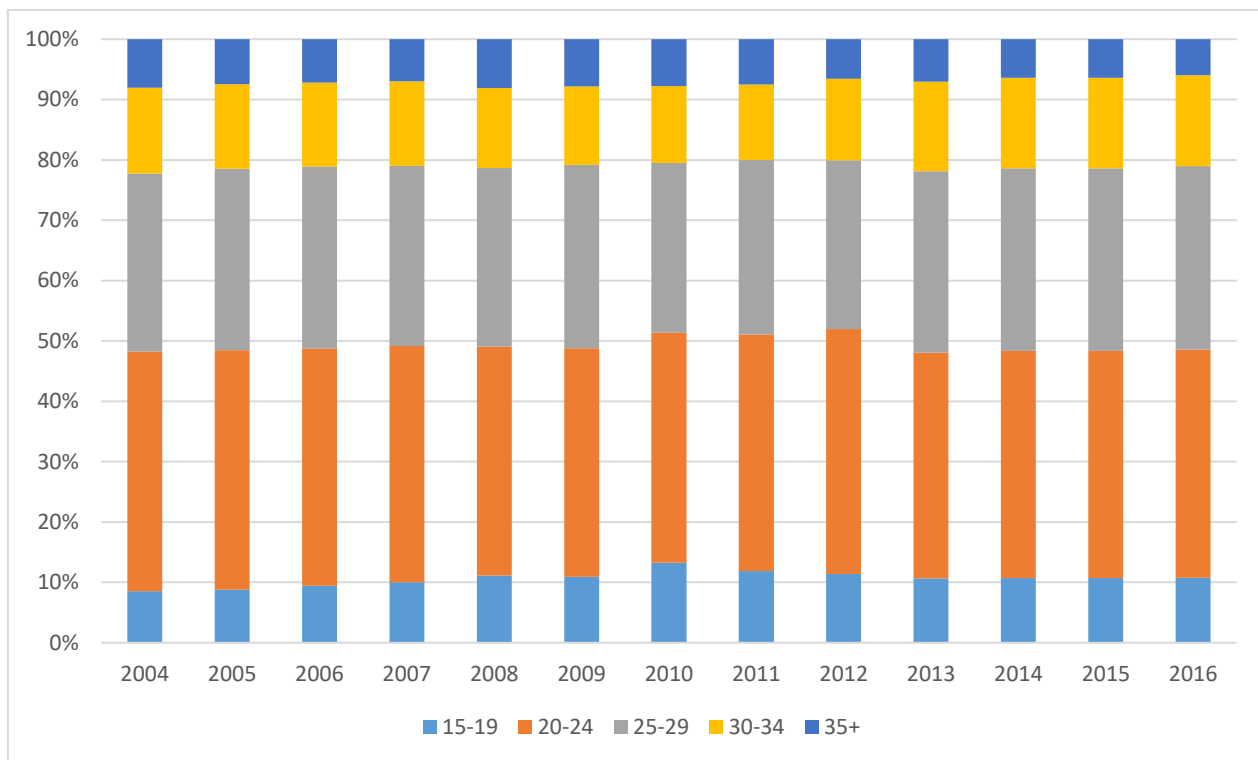
Примечание - Комитет государственной статистики Киргизии.

Рисунок 5б - Вклады возрастных групп в Коэффициент суммарной рождаемости в Киргизии, в %, в 2006-2016 гг.

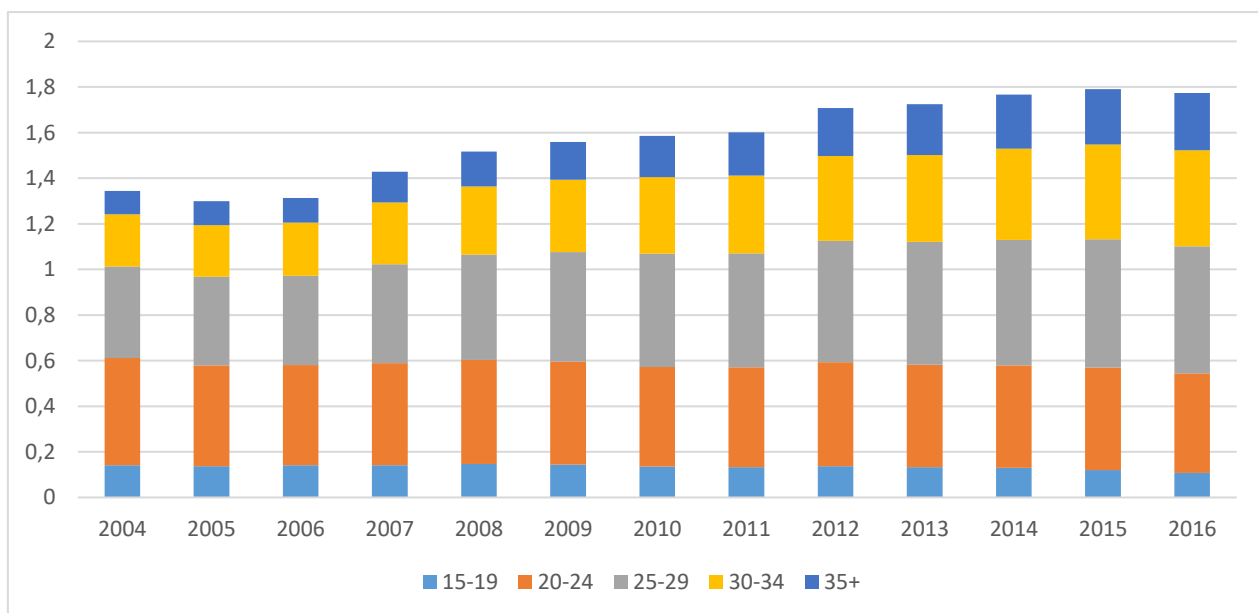
Примечание - Комитет государственной статистики Азербайджана.

Рисунок 6 - Коэффициенты суммарной рождаемости и вклады в них возрастных групп (в кол-ве детей на одну женщину) в Азербайджане, 2004-2016 гг.

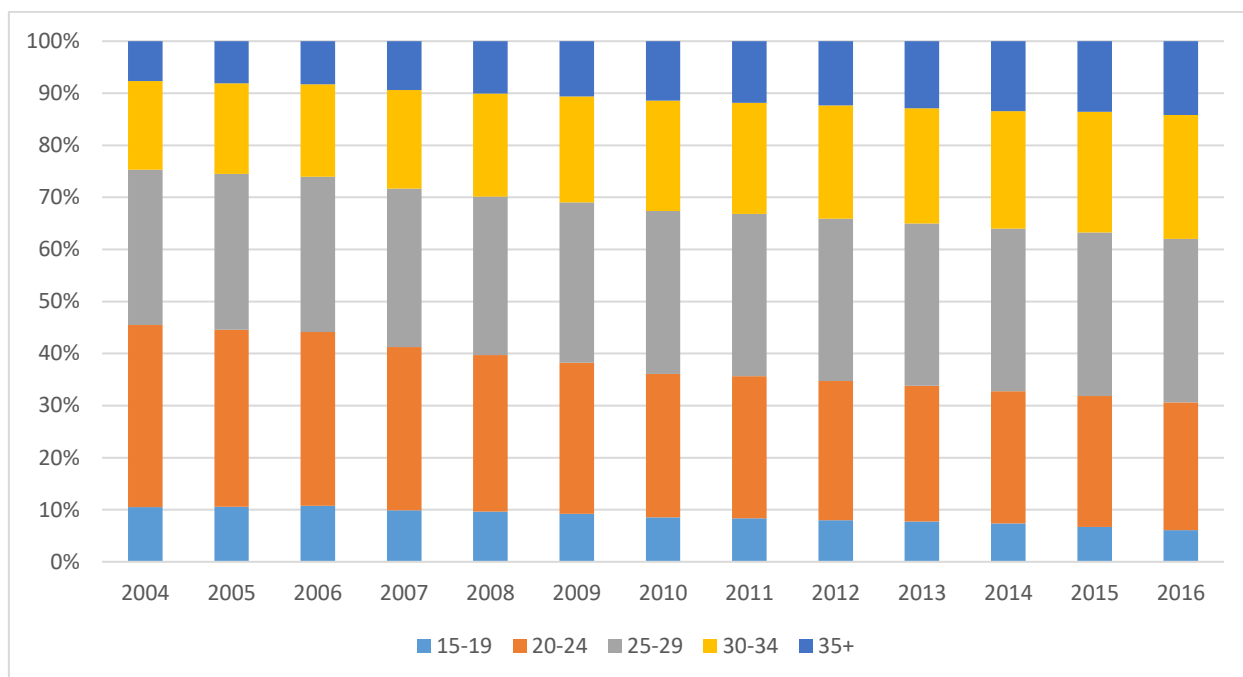
Примечание - Комитет государственной статистики Азербайджана.

Рисунок 6б - Вклады возрастных групп в Коэффициент суммарной рождаемости в Азербайджане, в %, в 2004-2016 гг.

Примечание – Росстат.

Рисунок 7а - Коэффициенты суммарной рождаемости и вклады в них возрастных групп (в кол-ве детей на одну женщину) в РФ, 2004-2016 гг.

Примечание – Росстат.

Рисунок 76 - Вклады возрастных групп в Коэффициент суммарной рождаемости в РФ, в %, в 2004-2016 гг.

Необходимо отметить, что наблюдаемое в Казахстане, Киргизии и Азербайджане отсутствие возрастного сдвига рождаемости, отличающее эти страны от других постсоветских стран, не может быть техническим следствием изменения уровня рождаемости. Речь могла бы идти об эффекте поддержания высокого процентного вклада молодых возрастных групп в Коэффициент суммарной рождаемости в ситуации, когда общий уровень рождаемости снижается с уровней, существенно превышающих уровень двух детей на одну женщину. Поскольку рождения третьих и последующих детей часто бывают сконцентрированы в возрастных группах тридцати лет и старше, снижение рождаемости по детям этих порядков с большой вероятностью может вести к снижению процентного вклада возрастных групп старше 30 лет и, соответственно, сохранению или даже росту процентного вклада более молодых возрастных групп. Однако, как мы видели на Рисунках 1 и 2, по крайней мере в Казахстане и Киргизии в исследуемый период имело место поступательное повышение, а не понижение уровня рождаемости, и поэтому такое объяснение отличий возрастной динамики исследуемых стран от других стран постсоветского пространства неадекватно.

Стабильность возрастной модели рождаемости, наблюдаемая в Казахстане и Киргизии в 2000-2010-е годы по данным официальной статистики этих государств, подтверждается и данными выборочных исследований, проведенных в указанных странах международными организациями. Мы демонстрируем это на основе данных опросов Mixed Indices Cluster Survey (MICS), проводимого UNICEF. На рисунках 8-11 сопоставляются вклады возрастных групп по данным указанных опросов MICS, проведенных в середине 2000-х и в середине 2010-х годов. Как показывают рисунки, в середине 2010-х по сравнению с серединой 2000-х вклады возрастных групп, зафиксированные в двух странах указанным опрос, практически не изменились.

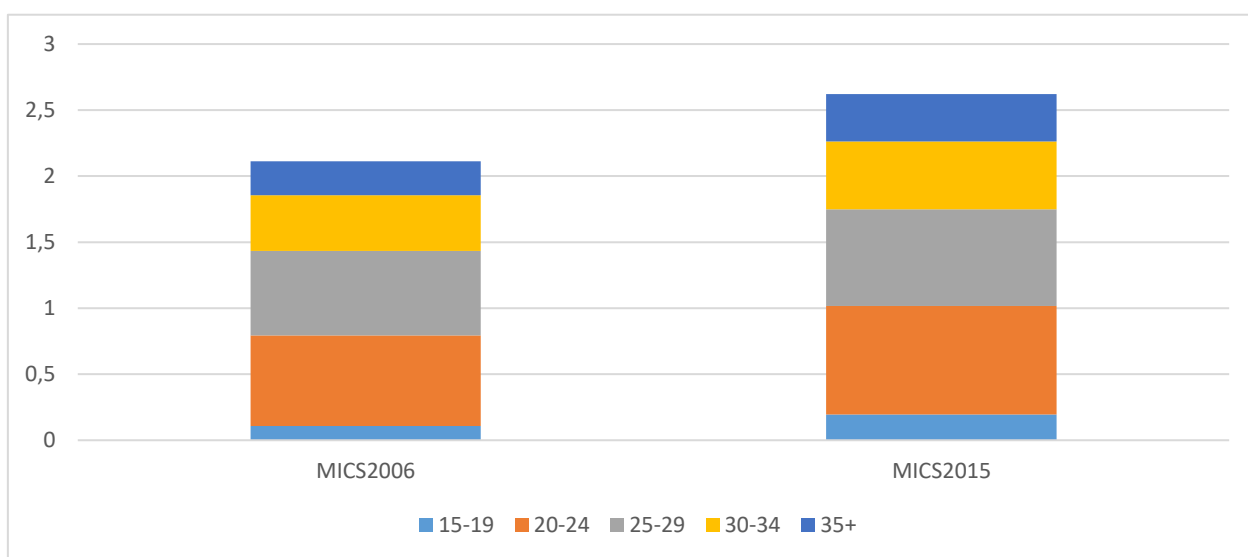

Рисунок 8 - Коэффициент суммарной рождаемости и вклады в него возрастных групп, MICS2006 и MICS2015, Казахстан

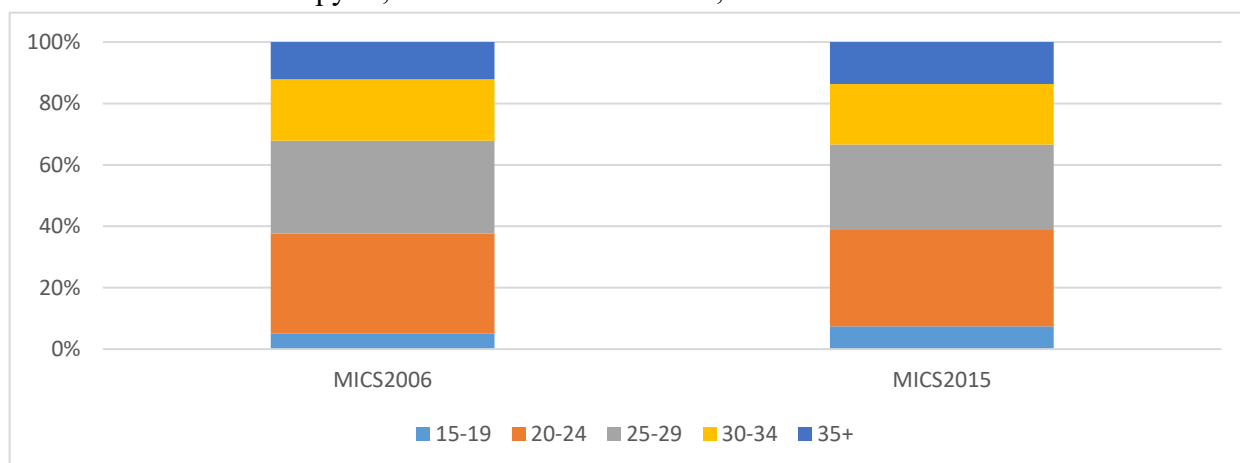

Рисунок 9 - Вклады возрастных групп в Коэффициент суммарной рождаемости, %, MICS2005 и MICS2015, Казахстан

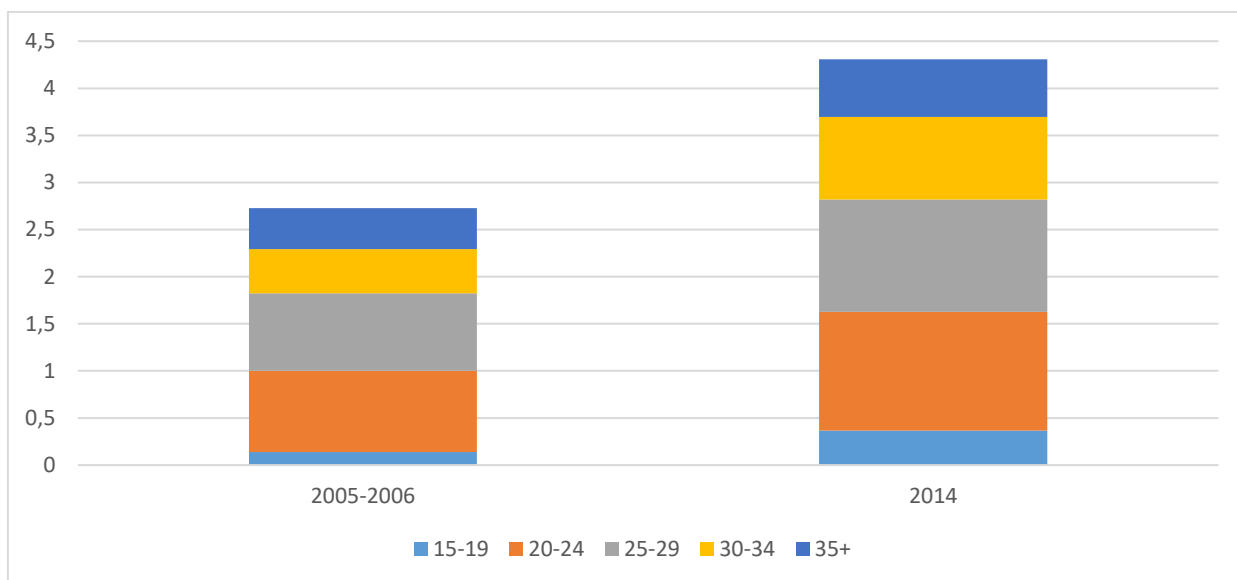

Рисунок 10 - Коэффициент суммарной рождаемости и вклады в него возрастных групп, MICS2005-2006 и MICS2014, Киргизия

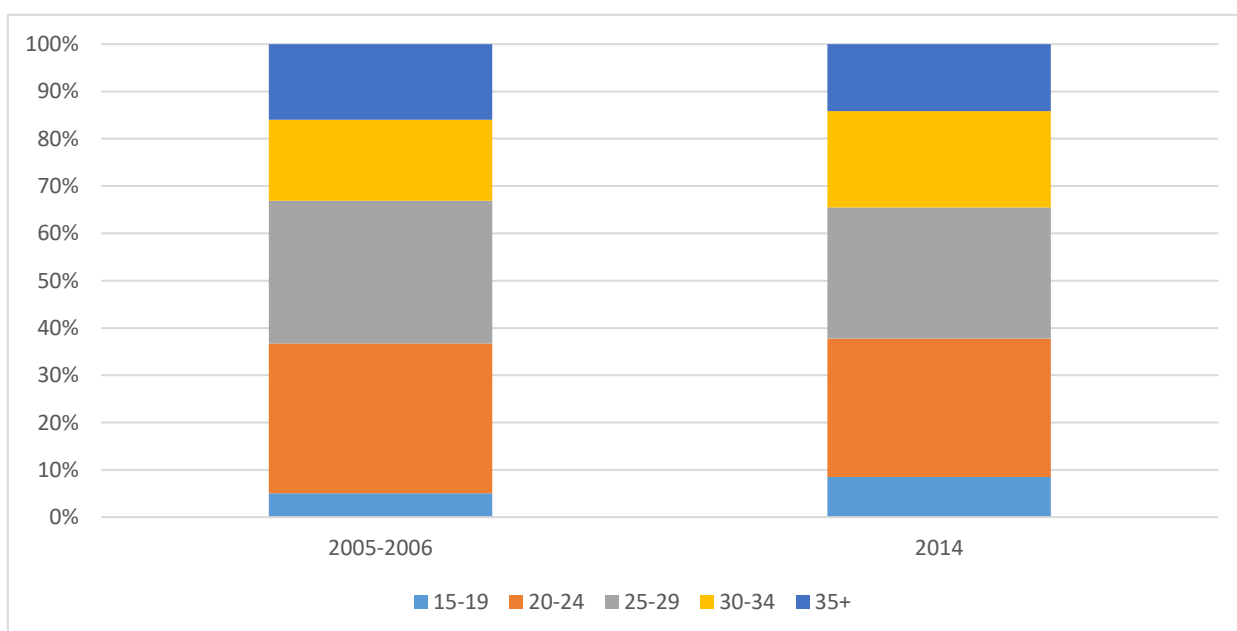

Рисунок 11 - Вклады возрастных групп в Коэффициент суммарной рождаемости, %, MICS2005-2006 и MICS2014, Киргизия

Используя данные указанных выборочных исследований, можно отклонить и некоторые другие объяснения отсутствия возрастного сдвига рождаемости в исследуемых странах на фоне его присутствия в других странах бывшего СССР в последние десять лет. Речь идет о таких объяснениях, при которых отсутствие возрастного сдвига рождаемости оказывается побочным эффектом каких-либо других особенностей данных стран и не отражает реальные изменения в них репродуктивных

практик. Одно из таких объяснений состояло бы в том, что в исследуемых странах произошел фактический сдвиг рождаемости к более старшим возрастам, однако одновременно произошло изменение пропорций разных групп населения, отличающихся по возрастным характеристикам рождаемости, в результате чего на общестрановом уровне вклад различных групп в рождаемость остался стабильным. Одной из социальных стратификаций, задающей группы с разными ожидаемыми возрастными моделями рождаемости, может быть противопоставление городского и сельского населения: для второго, на базе демографических исследований, проведенных в разных странах мира, априори ожидается более «молодая» рождаемость. В этом случае на общестрановом уровне возможно сохранение имеющихся вкладов разных возрастных групп в Коэффициент суммарной рождаемости при условии, что и среди сельского населения, и среди городского населения происходит ее возрастной сдвиг к более старшим возрастам, но при этом увеличивается доля сельского населения в населении страны. Похожее объяснение состояло бы в том, что растет доля женщин низших образовательных категорий, у которых также ожидается более «молодая» рождаемость, при этом возрастной сдвиг рождаемости происходит во всех образовательных группах. Предложенные объяснения несостоятельны потому, что, как показал анализ результатов упомянутых выше опросов MICS, проведенных в 2000-е и 2010-е годы в Казахстане и Киргизии, в действительности внутри каждой из указанных групп населения, как выделенных по месту проживания, так и выделенных по образованию, возрастная модель рождаемости не менялась.

Анализ данных выборочных опросов MICS позволяет также предположить, что замеченное противопоставление между постсоветскими странами по динамике рождаемости между 2000-ми и 2010-ми годами может быть связано с конфессиональным составом населения. Казахстан, Киргизия и Азербайджан – единственные страны в Таблице 14, в которых большинство населения является мусульманским по религиозной принадлежности. На основе данных опросов MICS можно показать, что среди населения Казахстана и Киргизии отсутствие сдвигов рождаемости к более старшим возрастам в указанный период наблюдалась именно среди тех этносов, среди которых большинство составляют мусульмане (наиболее крупные из них – казахи и киргизы), в то время как среди русского населения этих стран возрастной сдвиг рождаемости в середине 2010-х годов по сравнению с 2000-

ми имел место (Рисунки 12-14 подтверждают это для Казахстана). Возможная значимость фактора религии для характеристик репродуктивного поведения уроженцев стран Средней Азии, на примере мигрантов, будет исследована нами ниже на основе данных полевого исследования, проведенного в рамках настоящего проекта.

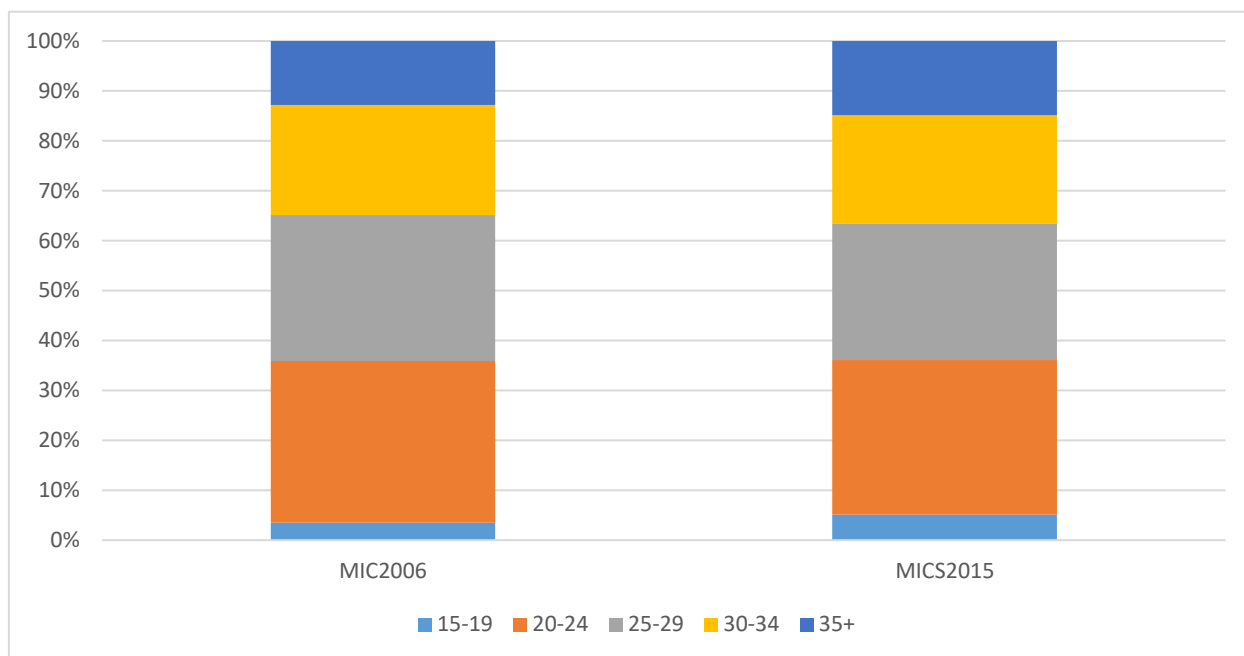

Рисунок 12 - Вклады возрастных групп в Коэффициент суммарной рождаемости, %, казахи в Казахстане, MICS2006 и MICS2015

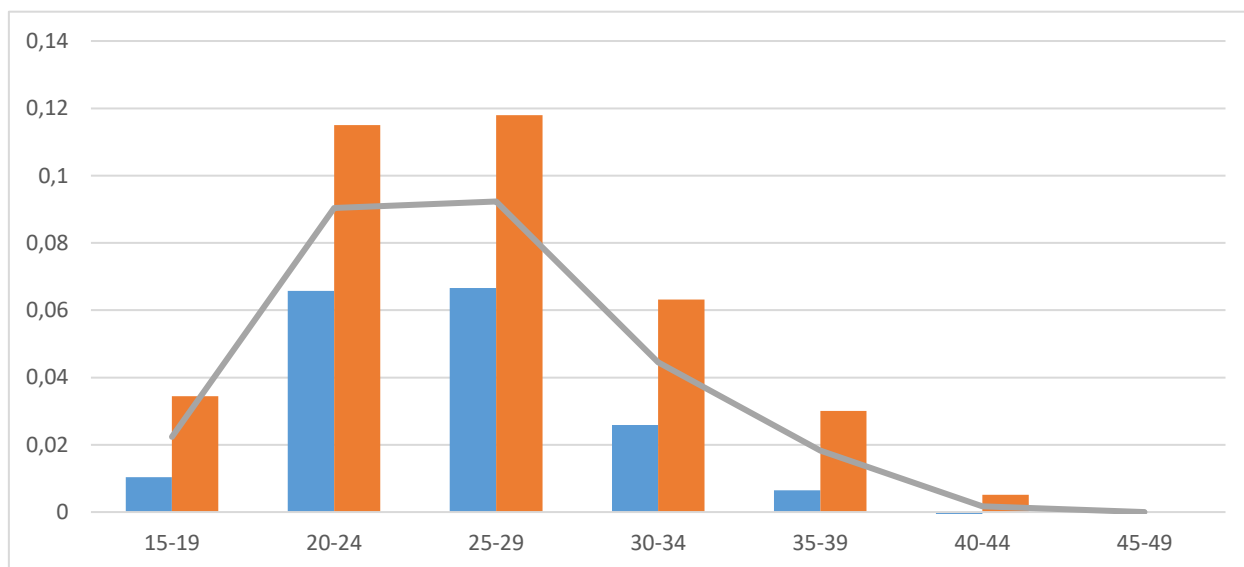

Рисунок 13 - Возрастные коэффициенты рождаемости у русского населения Казахстана, MICS2006 (средние значения и доверительные интервалы при 95-процентном уровне значимости)

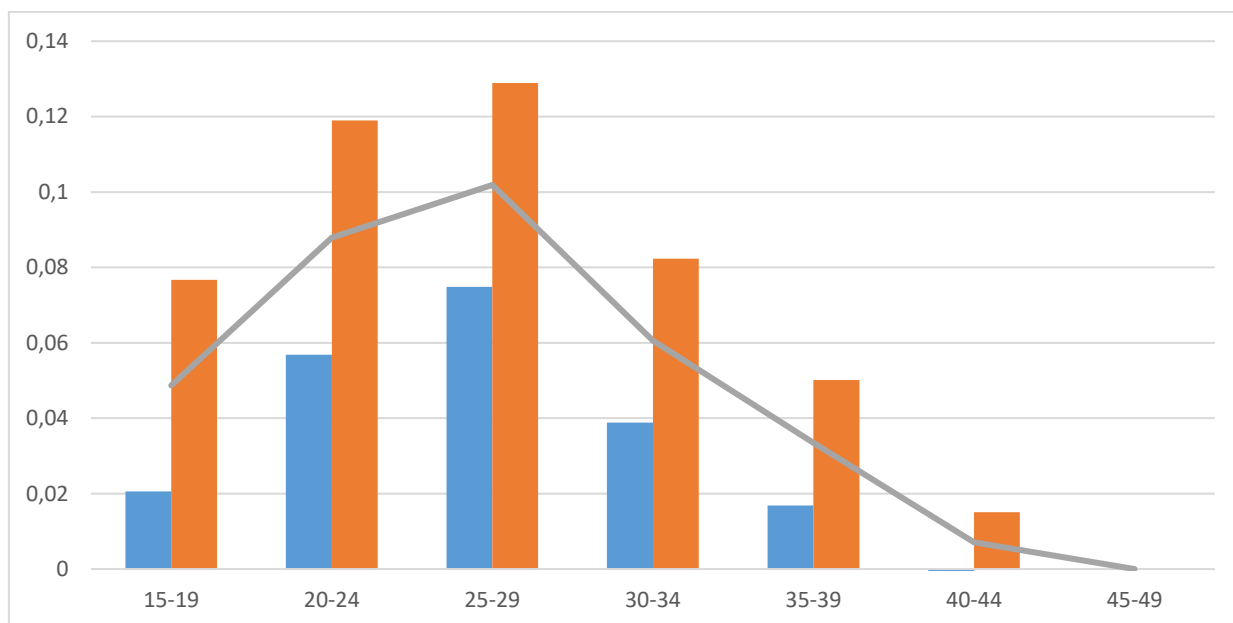

Рисунок 14 - Возрастные коэффициенты рождаемости у русского населения Казахстана, MICS2015 (средние значения и доверительные интервалы при 95-процентном уровне значимости)

Поскольку в рамках настоящего проекта исследуется также рождаемость среди трудовых мигрантов из Таджикистана, необходимо представить имеющиеся данные по возрастной модели рождаемости в этой стране. Как уже было отмечено, проследить динамику возрастных характеристик рождаемости в Таджикистане между серединой 2000-х и серединой 2010-х годов на основе данных официальной статистики невозможно, поскольку в этих данных по указанной стране отсутствуют возрастные коэффициенты рождаемости. В Щербакова [19] возрастные коэффициенты рождаемости для Таджикистана за 2000 и 2014 годы приводятся по данным Межгосударственного комитета статистики стран СНГ, надежность и процедура формирования которых, к сожалению, не были предметом серьезной оценки. Эти данные показывают, что как в 2000, так и в 2014 году из всех возрастных коэффициентов рождаемости для пятилетних возрастных групп наивысшее значение в Таджикистане имел коэффициент для возрастной группы 20-24 лет. Это позволяет предположить (с поправкой на отсутствие данных за годы между 2000 и 2014), что сдвига рождаемости к более старшим возрастам, подобного тому, который наблюдался в России, на Украине, в Армении и Грузии, в Таджикистане не произошло (как видно из Таблицы 14, возрастной сдвиг в указанных странах вел к превышению возрастного коэффициента рождаемости для женщин 25-29 лет над возрастным

коэффициентом рождаемости для женщин 20-24 лет). Что касается данных выборочных количественных исследований, то исследования, проведенные в Таджикистане, не позволяют сопоставить возрастные модели рождаемости в середине 2000-х и середине 2010-х годов. В Таджикистане было проведено два репрезентативных исследования, посвященные вопросам демографии: опрос MICS в 2005 году и проводимое Американским агентством международного развития Исследование демографии и здоровья (Demography and health survey - DHS) в 2011 году. Возрастные коэффициенты рождаемости, подсчитанные нами по данным обоих исследований, указывают на возрастную модель, в которой наибольшая рождаемость зафиксирована в возрастной группе 20-24 лет. Однако эти два исследования отстоят друг от друга по времени всего на 6 лет, и утверждать на их основе о сохранении той же возрастной модели рождаемости к середине 2000-х годов, разумеется, невозможно. Таким образом, доступные статистические данные по Таджикистану дают больше оснований предполагать стабильность там возрастной модели рождаемости, чем о ее заметных сдвигах в первые полтора десятилетия 21-го века. Однако состав лет, за которые имеются эти данные, а также уровень надежности некоторых источников позволяют рассматривать это предположение как совершенно предварительное и нуждающееся в серьезной верификации.

Подведем итог. Анализ различных имеющихся источников показал, что рождаемость в Киргизии и, с меньшей точностью, в Таджикистане после 2000 года существенно отличалась от рождаемости в России по ряду характеристик. Прежде всего, это касается уровня рождаемости. В двух указанных странах Средней Азии он остается существенно выше российского. Имеются отличия и по возрастной динамике рождаемости. Если в России в указанный период наблюдалась ясная тенденция к сдвигу рождаемости к более старшим возрастам, что выражалось в переходе «пика» рождаемости из возрастной группы 20-24 лет к возрастной группе 25-29 лет, а также в росте рождаемости в более старших возрастных группах, то в Киргизии и Таджикистане, судя по имеющимся данным, такого не было: в этих странах предположительно сохранилась стабильная возрастная модель с концентрацией наиболее интенсивной рождаемости в возрастной группе 20-24.

Применительно к рождаемости среди трудовых мигрантов из Киргизии и Таджикистана в РФ это означает, что по крайней мере трудовые мигранты первого

поколения наблюдают разные типы репродуктивного поведения у себя на родине и в стране временного проживания. Учитывая имеющиеся результаты исследований рождаемости среди мигрантов в разных странах мира, это позволяет предположить возможность разных вариантов репродуктивного поведения мигрантов в принимающей стране, один из которых будет основан на воспроизводстве репродуктивного поведения, наблюдаемого на исторической родине, а второй будет ориентирован на репродуктивное поведение, преобладающее в принимающей стране. Выше в данном разделе мы видели, что имеющиеся статистические данные по рождаемости трудовых мигрантов из стран Средней Азии в РФ не позволяют с определенностью говорить о том, какой из вариантов в действительности преобладает.

3 Выводы

Необходимость проведения в России исследований рождаемости, матримониального и репродуктивного поведения международных трудовых мигрантов представляется очевидной, так как подобные исследования важны для формирования продуманной миграционной и интеграционной политики.

Основной причиной малого количества исследований в этой сфере специалисты до сих пор считают нехватку необходимых статистических данных. Однако это не совсем так, ведь в основу расчетов, которые требуется провести, могут лечь данные текущего учета естественного и миграционного движения населения Российской Федерации. При этом включение в рассмотрение демографических показателей, учитывающих в том числе и временных мигрантов, может вызывать некоторую путаницу. Изучение репродуктивного здоровья мигрантов, в том числе и трудовых, может потребовать разработки дополнительной информации, а, возможно и проведения большого количество дополнительных обследований. Матримониальная и репродуктивная история мигрантов доступна, как правило, из больших выборочных обследований, однако попадающие в их выборку женщины в большинстве случаев относятся к постоянным мигрантам. В случае проведения обследования на территории стран, откуда идет трудовая миграция, мы можем получить большой объем информации, если найдем требуемое количество респонденток для получения устойчивых результатов.

В настоящий момент данные из различных источников позволяют сделать следующие выводы об особенностях рождаемости среди трудовых мигрантов из Средней Азии.

В целом показатели итоговой или накопленной к определенному возрасту рождаемости у выходцев из стран Средней Азии, в том числе и идентифицирующих себя как русские, выше, чем у россиян без миграционного опыта. В то же время представительницы титульных наций стран Средней Азии, наиболее широко представленных в миграционном обороте, имеют более низкую рождаемость по сравнению со своими соотечественницами в странах выбытия. Данные текущего учета показывают все больший вклад в рождаемость неграждан в России (хотя пока он и не превышает 4%, даже если рассматривать смешанные браки, но при этом не принимать во внимание ситуации, весьма многочисленные, когда национальность не указана). Исследования рубежа 2000-2010-х гг. показывали, что вклад мигрантов в динамику рождаемости на территории России неоднороден, однако в Москве довольно существенен, чего нельзя сказать о всех регионах России (в некоторых из них этот взгляд получается негативным).

Поскольку доступные данные о рождаемости среди трудовых мигрантов из стран Средней Азии на территории РФ дают весьма ограниченную возможность подсчета основных характеристик рождаемости в этих сообществах, нами дополнительно были рассмотрены данные о текущей рождаемости в странах Средней Азии, откуда идет трудовая миграция в РФ. Было отмечено, что нынешний миграционный режим позволяет формировать ожидания о характеристиках рождаемости среди трудовых мигрантов на основе данных о рождаемости на их исторической родине, хотя ожидать идентичности характеристик рождаемости среди мигрантов и стран, откуда идет миграция, разумеется, невозможно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Учет рождаемости среди мигрантов из постсоветских стран, включая трудовых мигрантов из Средней Азии, находится на сегодня в РФ в неудовлетворительном состоянии. Отсутствует такой источник данных, который можно было бы использовать в качестве базового для исследования этого явления. Изучение рождаемости среди трудовых мигрантов возможно только через критическое сопоставление различных имеющихся данных, заведомо неполных. Эти типы данных были охарактеризованы в настоящем реферате. Кроме того, была рассмотрена текущая рождаемость в странах Средней Азии, откуда в РФ идет трудовая миграция. В дальнейших исследованиях рождаемости среди трудовых мигрантов в РФ данные по рождаемости в их родных странах могут быть использованы как база для сопоставления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Bailey N., Livingston M. Selective migration and neighbourhood deprivation: evidence from 2001 census migration data for England and Scotland //Urban Studies. – 2008. – Т. 45. – №. 4. – p. 943-961

2 McKenzie D. J., Mistiaen J. Surveying migrant households: a comparison of census-based, snowball and intercept point surveys //Journal of the Royal Statistical Society: Series A (Statistics in Society). – 2009. – Т. 172. – №. 2. – p. 339-360

3 Jasilioniene A., Stankuniene V., Jasilionis D. Census-linked study on ethnic fertility differentials in Lithuania //Studies of Transition States and Societies. – 2014. – Т. 6. – №. 2

4 Зайончковская Ж.А. и др. Миграция населения //Население России 2013: двадцать первый ежегодный демографический доклад. – Издательский дом НИУ ВШЭ. 2015. – с. 296-357

5 Рязанцев С.В., Каримов М.М. Влияние трудовой миграции на рождаемость и репродуктивное здоровье (на примере таджикских трудовых мигрантов в России) //Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. – 2013. – №. 2 (54)

6 Третьякова Е.А., Макаренцева А.О. Использование регистров населения для учета и анализа незарегистрированных браков //Демографическое обозрение. – 2016. – Т. 3. – №. 3

7 Захаров С.В., Сурков С.В. Миграционный опыт и рождаемость в послевоенных поколениях россиян //Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. – НИСП. - 2009. – с. 45-118

8 Захаров С.В. Потенциал структурных факторов роста рождаемости исчерпан? Часть первая //Демоскоп Weekly. – 2017. – №. 731-732. – с. 1-10

9 Бирюкова С.С. Методология оценки вклада мигрантов в воспроизводство населения России на базе данных, основанных на записях актов гражданского состояния //Вопросы статистики. – 2013. – №. 4. – с. 38-44

10 Бирюкова С.С. Возможности оценки вклада мигрантов в рождаемость и смертность на основе данных текущей статистики

населения в России // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. – 2012 – №16 – с. 79-94

11 Ионцев В.А., Ивахнюк И.В. Изучение миграции населения //Уровень жизни населения регионов России. – 2008. – №. 3-4. – с. 72-80

12 Чудиновских О.С. Государственное регулирование приобретения гражданства Российской Федерации: политика и тенденции. – 2014

13 Архангельский В.Н., Иванова А.Е., Рыбаковский Л.Л., Рязанцев С.В. Демографическая ситуация в Москве и тенденции ее развития/ Под ред. проф. Л.Л. Рыбаковского. – М.: ЦСП, 2006. – с. 264

14 Kulu H. et al. Fertility by birth order among the descendants of immigrants in selected European countries //Population and development review. – 2017. – Т. 43. – №. 1. – р. 31-60

15 Sobotka T. et al. Overview Chapter 7: The rising importance of migrants for childbearing in Europe //Demographic Research. – 2008. – Т. 19. – №. 9. – р. 225-248

16 Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С. Интеграция мигрантов второго поколения в Москве в возрасте 18-30 лет: первые результаты исследовательского //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2017. – №. 6 (142)

17 Письменная Е.Е. и др. Новые стратегии сексуального и брачного поведения таджикских трудовых мигрантов в России //Новые Векторы Миграции На Евразийском Пространстве. – 2015. – с. 136-154

18 Барсукова Т.И., Часовская Л.А. Трансформация семейно-брачного поведения трудовых мигрантов //Общество: социология, психология, педагогика. – 2016. – №. 7

19 Щербакова Е. (2017) Евразийский демографический барометр. Demoscope Weekly, январь 1-22, 2017